

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 1 000 000 ЭКЗЕМПЛАРОВ

ГЕН АТЛАНТИДЫ

А. Дж.
РИДДЛ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ЗЕРО

А. Дж. Риддл
Ген Атлантиды
Серия «Смертельная угроза»
Серия «Тайна происхождения», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8885191

*Ген Атлантиды : [роман] / А. Дж. Риддл ; [перевод с английского А. Филонова].: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-117378-4*

Аннотация

Люди, называющие себя Иммари, – живая память о тысячелетиях существования человечества. Нет племени древнее их. Все эти тысячелетия они хранили тайну происхождения своего рода, не открывая ее никому. И все это время искали следы своего древнего заклятого врага, противостояние с которым некогда чуть не уничтожило всех людей на планете, – атлантов, внезапно исчезнувших давным-давно. Но сейчас эти поиски закончились. А вместе с ними подошел к концу и очередной виток человеческой истории – грозя будущему небывалым катаклизмом. Ибо то, что обнаружили Иммари – наследие атлантов, – они хотят обратить на уничтожение всех слабых и неполноценных, неготовых к новому этапу эволюции. Останутся жить лишь те немногие, в ком есть уникальный ген, способный

убережь своего носителя от жуткой смерти и возвысить его над обычными людьми, – ген Атлантиды...

Содержание

Пролог	7
Часть I	15
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	29
Глава 4	33
Глава 5	36
Глава 6	38
Глава 7	41
Глава 8	43
Глава 9	46
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	69
Глава 13	83
Глава 14	100
Глава 15	111
Глава 16	116
Глава 17	123
Глава 18	127
Глава 19	131
Глава 20	135
Глава 21	147

Глава 22	150
Глава 23	161
Глава 24	164
Глава 25	171
Глава 26	179
Глава 27	182
Конец ознакомительного фрагмента.	183

А. Дж. Риддл

Ген Атлантиды

Посвящается Анне

*Роман является вымыслом, не считая тех мест,
где все взаправду.*

Серия «Смертельная угроза»

A.G. Riddle

THE ATLANTIS GENE – BOOK 1 – THE ORIGIN
MYSTERY TRILOGY

Перевод с английского А. Филонова

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Исключительные права на публикацию книги на русском
языке принадлежат издательству AST Publishers.

© A.G. Riddle, 2013 © Перевод. А. Филонов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пролог

Исследовательское судно «Ледопад»

Атлантический океан

В 88 милях от побережья Антарктиды

Опершись о фальшборт, Карл Зелиг поглядел в бинокль на массивный айсберг. Отколовшись, рухнул в море очередной кусок льда, открыв взору еще один фрагмент длинного черного объекта, выглядевшего почти как... подводная лодка. Вот только откуда здесь взяться подводной лодке?

– Эй, Стив, иди погляди-ка на это.

Стив Купер, друг Карла со старших классов, отвязал буюк и присоединился к Карлу на другом борту. Взяв бинокль, быстро оглядел айсберг и вдруг оцепенел.

– Ничего себе. Что это? Подлодка?

– Возможно.

– А что это под ней?

Карл перехватил у него бинокль.

– Под ней... – Он опустил взгляд к участку под субмариной.

Там было что-то еще. Подлодка – если это подлодка – торчала из другого металлического объекта – серого и куда большего. В отличие от судна серый объект не отражал света; он выглядел скорее как волны, таким мерцанием у

самого горизонта над раскаленным шоссе или длинным отрезком пустыни. Впрочем, жарой здесь и не пахло – во всяком случае, лед вокруг него не таял. Над самой конструкцией Карл разглядел на субмарине какие-то надписи: *U-977* и *Kriegsmarine*¹. Фашистская подлодка. Торчащая из... какой-то конструкции.

Карл опустил бинокль к боку.

– Поднимай Наоми и приготовься причалить к лодке. Надо ее осмотреть.

Стив устремился на нижнюю палубу, и Карл услышал, как он будит Наоми, спящую в одной из двух тесных каюток судна. Корпоративный спонсор Карла настоял, чтобы тот взял с собой Наоми. Карл кивнул на совещании, понадеявшись, что она не будет путаться под ногами. И не был разочарован. Когда они выходили в море пять недель назад в Кейптауне, что в Южной Африке, Наоми принесла на борт две смены одежды, три любовных романа и столько водки, что хватило бы прикончить целую армию русских. С той поры они ее почти и не видели. *Должно быть, ей тут жутко скучно*, подумал Карл. Для него же это главный шанс жизни.

Подняв бинокль, он снова поглядел на массивный кусок льда, отколовшийся от антарктического ледника почти месяц назад. Без малого девяносто процентов айсберга находится под водой, но площадь поверхности все равно дости-

¹ Кригсмарине (нем. *Kriegsmarine*) – военно-морской флот; официальное название германских военно-морских сил в эпоху Третьего рейха.

гает сорока семи квадратных миль – в полтора раза больше Манхэттена.

Докторская диссертация Карла посвящена влиянию новообразовавшихся айсбергов на глобальные морские течения по мере таяния. Последние четыре недели они со Стивом запускали вокруг ледяной горы высокотехнологичные буйки, замеряющие температуру и соленость воды, а также периодически снимали сонаром видоизменяющуюся форму айсберга с целью больше узнать о том, как те разрушаются, покинув Антарктику. Последняя содержит девяносто процентов мирового льда, и если он растает в ближайшие пару столетий, это радикально преобразит планету. Карл надеялся, что его исследования прольют свет на то, как именно.

Он позвонил Стиву в ту же минуту, когда узнал, что его исследования профинансируют. «Ты должен пойти со мной... Нет, поверь мне». Стив неохотно согласился; но затем, к восторгу Карла, его старый друг проникся интересом к экспедиции, делая с ним вместе замеры днем и каждый вечер обсуждая предварительные результаты. До путешествия академическая карьера Стива апатично дрейфовала – как айсберг, который они преследуют, – пока он перепархивал от одной темы диссертации к другой. Карл и остальные их друзья уже начали опасаться, что он вообще забросит докторантуру.

Данные исследований оказались интригующими, а теперь они нашли кое-что еще, нечто замечательное. Появятся за-

головки. Но что они будут гласить? «В Антарктике найдена субмарина нацистов»? Не так уж невообразимо.

Карл знал, что нацисты были одержимы Антарктидой. В 1938-м и 1939-м они засылали туда экспедиции и даже объявили часть этого континента новой германской провинцией Нойшвабеланд. Во время Второй мировой войны нескольких фашистских субмарин недосчитались, и сведений об их затоплении не поступало. Адепты теорий заговоров утверждали, что одна нацистская подлодка покинула Германию как раз накануне падения Третьего рейха, увозя верхушку нацистского руководства и всю сокровищницу, включая и награбленные бесценные артефакты, и совершенно секретные технологии.

В глубине сознания Карла всплыла новая мысль: а вознаграждение? Если на борту этой подлодки есть нацистские сокровища, они стоят громадных денег. Ему больше никогда не придется тревожиться о финансировании своих исследований.

Непосредственной проблемой стала попытка причалить судно к айсбергу. Море было беспокойным, и потребовалось три захода, но в конце концов они ухитрились причалить в паре миль от подлодки и странной конструкции под ней.

Закутавшись потеплее, Карл и Стив надели альпинистское снаряжение. Карл отдал Наоми ряд основных указаний, в двух словах сводившихся к «ничего не трогай», а затем они со Стивом спустились на лед у борта и тронулись в путь.

За следующие сорок пять минут ни один из них не обмолвился ни словом, с трудом пробираясь по голой ледяной горе. Дальше от края лед был очень неровным, и продвижение замедлилось – у Стива сильнее, чем у Карла.

– Надо поднажать, Стив.

Тот попытался нагнать его.

– Извини. За месяц на борту я совсем потерял форму.

Карл бросил взгляд на солнце. Когда оно сядет, температура начнет стремительно понижаться, и они могут замерзнуть насмерть. Дни здесь длинные. Солнце встает в 2.30 дня и заходит после 10 вечера, но в запасе у них всего два-три часа. Карл еще чуть прибавил шагу.

За спиной у себя он слышал шарканье снегоступов Стива, отчаянно старавшегося нагнать друга. От льда доносились странные звуки: сначала низкий гул, затем drobный перестук, словно лед атакует целая тысяча дятлов. Остановившись, Карл прислушался. Обернулся к Стиву, и они встретились глазами в тот самый миг, когда паутина тоненьких трещин разбежалась по льду прямо под ногами у Стива. Тот в ужасе поглядел вниз, а потом во весь дух ринулся к Карлу и нетронутому льду.

Карлу эта сцена показалась какой-то сюрреалистической, разворачивающейся чуть ли не в замедленном воспроизведении. Почувствовал, что бежит к другу, на ходу срывая с пояса веревку и бросая ему. Стив поймал веревку за долю секунды до того, как в воздухе раскатился громкий треск и

лед под ногами у него рухнул, образуя гигантскую расселину. Веревка рывком натянулась, сдернув Карла с ног и крепко шлепнув животом на лед. Так он последует в ледяную пропасть напрямиком за Стивом. Карл мучительно пытался встать на ноги, но тяга от веревки была чересчур сильна. Он ослабил хватку, веревка заскользила между ладоней, и движение вперед замедлилось. Выставил ноги перед собой, и надетые на ботинки «кошки» впились в лед, швырнув осколки льда ему в лицо, но зато остановив скольжение. Карл сжал веревку, натянувшуюся, издавая странный вибрирующий звук, будто контрабас.

– Стив! Держись! Я тебя вытащу...

– Не надо! – крикнул в ответ Стив.

– Что?! Ты с ума...

– Тут внизу что-то есть. Опустить меня, только медленно.

Карл мгновение поразмыслил.

– Что это?

– Смахивает на тоннель или пещеру. В нем серый металл.

Какой-то размытый.

– Ладно, держись. Сейчас немного отпущу... – Карл вытравил футов десять веревки и, не услышав отклика Стива, еще футов десять.

– Стоп! – крикнул Стив.

Карл почувствовал рывки веревки. Может, он раскачивается? Веревка ослабла.

– Я внутри! – сообщил Стив.

– Что это?

– Толком не знаю. – Голос друга звучал приглушенно.

Ползком подобравшись к краю расщелины, Карл выглянул.

Стив высунул голову из устья пещеры.

– По-моему, это какой-то собор. Громадный. На стенах письма. Символы... Ничего подобного я еще не видел. Пойду огляжусь.

– Стив, не...

Стив снова скрылся. Прошло несколько минут. Неужели снова легкая вибрация? Карл насторожил уши. Ничего не услышал, но ощутил вибрацию всем телом. Теперь лед пульсировал быстрее. Встав, Карл сделал шаг от края. Лед позади него растрескался, а затем трещины появились повсюду и начали стремительно распространяться. Он очертя голову устремился к расширяющейся расселине. Прыгнул – и не долетел до той стороны самую малость. Вцепившись ладонями в закраину, он долгую секунду болтался над пропастью. Вибрации льда становились интенсивнее с каждой секундой. Карл видел, как лед вокруг него крошится и падает, а потом осколок, державший его, откололся и Карл рухнул в бездну.

* * *

На судне Наоми смотрела, как солнце заходит за айсберг. Взяв спутниковый телефон, она набрала номер, который ей

дали.

– Вы сказали звонить, если мы найдем что-нибудь интересное.

– Ничего не говорите. Не кладите трубку. Мы определим ваше местоположение за пару минут. Мы к вам прибудем.

Пристроив телефон на столе, она вернулась к плите и продолжила помешивать бобы в кастрюле.

* * *

Человек на другом конце спутниковой линии поднял голову, когда на экране вспыхнули координаты GPS. Скопировал местоположение в буфер и провел поиск по базе данных разведывательных спутников – не найдется ли ведущий наблюдение в данный момент. Один положительный результат.

Человек открыл поток и пропанорамировал картинку до центра айсберга, где обнаружились темные пятна. Несколько раз он делал наезд, и когда изображение навелось на резкость, он, выронив чашку с кофе на пол, вылетел из кабинета, опрометью ринувшись по коридору в кабинет директора. Ворвался туда, прервав седовласого человека, стоя говорившего что-то, подняв обе руки кверху.

– Мы его нашли!

Часть I

Джакарта в огне

Глава 1

Центр исследования аутизма (ЦИА)

Джакарта, Индонезия

Наши дни

Доктор Кейт Уорнер проснулась с ужасающим чувством: в комнате кто-то есть. Она пыталась открыть глаза, но не могла. Голова кружилась, словно ее накачали наркотиками. Воздух пропах плесенью... подzemельем. Кейт слегка повернулась, и ее прошила боль. Кровать под ней оказалась твердой – наверное, кушетка; уж наверняка не кровать в ее кондоминиуме на девятнадцатом этаже в центре Джакарты. *Где я?*

Она услышала очередной тихий шаг, словно в теннисных туфлях по ковру.

– Кейт, – шепнул мужчина, проверяя, не пробудилась ли она.

Ей удалось чуточку приоткрыть глаза. Над ней сквозь металлические жалюзи, прикрывающие низкие широкие окна,

пробивались лучи солнца. Стробоскопический свет в углу каждые пару секунд озарял комнату, будто вспышка камеры, неустанно делающей фотоснимки.

Сделав глубокий вдох, Кейт быстро села, впервые увидев этого мужчину. Он шарахнулся, выронив что-то, зазвеневшее на полу, расплескивая по полу коричневую жидкость.

Это оказался Бен Адельсон, ее лаборант.

– Господи, Кейт. Прошу прощения. Я думал... если ты пришла в себя, то можешь захотеть кофе. – Он наклонился, чтобы собрать осколки разбитой кофейной чашки, и когда пригляделся к Кейт повнимательнее, заметил: – Без обид, Кейт, но вид у тебя ужасный. – Посмотрел на нее долгим взглядом. – Пожалуйста, объясни мне, что происходит.

Доктор Уорнер протерла глаза, и голова вроде бы чуточку прояснилась, как только она сообразила, где находится. В последние пять суток она трудилась в лаборатории день и ночь, практически безостановочно с тех самых пор, когда позвонил спонсор ее исследований: выдай результаты сейчас же, хоть какие, или финансирование прекратится. На сей раз никаких отговорок. Никому из своего штата исследователей аутизма она не обмолвилась об этом и словом. Нет причин их тревожить. Она либо добьется каких-то результатов, и можно будет продолжить, либо не добьется, и они отправятся по домам.

– Кофе – это было бы замечательно, Бен. Спасибо.

* * *

Выбравшись из фургона, мужчина натянул на лицо черную маску.

– Внутри пользуйся ножом. Стрельба привлечет внимание.

Кивнув, его помощница тоже натянула маску.

Мужчина протянул облаченную в перчатку руку к двери, но заколебался:

– Ты уверена, что сигнализация отключена?

– Ага. Ну, я перерезала наружную линию, но внутри она, наверное, сработает.

– Что? – Он покачал головой. – Господи, да они могут сразу же и позвонить... Давай поторопимся.

И, распахнув дверь, ринулся внутрь.

Табличка над дверью гласила:

Центр исследования аутизма

Служебный вход

* * *

Бен вернулся со свежей чашкой кофе, и Кейт его поблагодарила. Он плюхнулся в кресло напротив ее стола.

– Эдак ты заработаешься до смерти. Я знаю, что послед-

ние четыре дня ты ночевала прямо здесь. А еще эта секретность – повыгоняла всех из лаборатории, громоздишь заметки, не говоришь о ЦИА-247... Это тревожит не только меня.

Кейт прихлебывала кофе. Джакарта – трудное местечко для проведения клинических исследований, но работа на острове Ява имеет свои светлые стороны. И кофе – одна из них.

Она не могла сказать Бену, *что* делает в лаборатории, – во всяком случае пока. Это может обернуться пшиком, и более чем вероятно, что все они лишатся работы так или эдак. А привлекая его, Кейт лишь сделает его соучастником возможного преступления.

– А что это за стробоскоп? – кивнула она на мигающее приспособление в углу комнаты.

Бен бросил взгляд через плечо.

– Толком не знаю. По-моему, сигнализация...

– Пожар?

– Нет. По пути сюда я делал обход, это не пожар. Я как раз собирался провести тщательную проверку, когда заметил, что твоя дверь чуть приоткрыта. – Бен сунул руку в одну из дюжины картонных коробок, загромождающих кабинет Кейт, и перелистал несколько дипломов в рамках. – А почему ты их не повесила?

– Не вижу смысла.

Развешивать дипломы не в духе Кейт, и даже будь у нее такое желание – на кого они тут могут произвести впечатле-

ние? Кейт – единственный врач-исследователь, и весь научный персонал знает ее резюме. Они не принимают посетителей, и, кроме нее, кабинет видели только две дюжины членов штата, ухаживающие за детьми-аутистами, которые служат объектами проводимых исследований. Служащие просто подумают, что Стэнфорд и Джонс Хопкинс – это такие люди, быть может, давно почившие родственники, а дипломы – наверное, их свидетельства о рождении.

– Я бы их повесил, будь у меня степень доктора медицины из Джонса Хопкинса. – Бен аккуратно положил диплом обратно в коробку и принялся копаться в поисках других.

Кейт допила остатки кофе.

– Ага? – протянула пустую чашку. – Я бы уступила тебе его еще за чашечку кофе.

– Значит ли это, что теперь я могу тебе приказывать?

– Не увлекайся, – сказала Кейт вслед Бену, выходящему из комнаты.

Встав, она повернула твердый пластиковый стержень, управляющий жалюзи, которые открыли вид на забор из рабицы, опоясывающий здание, а за ним – на многолюдные улицы Джакарты. Утренний час пик был в самом разгаре. Автобусы и автомобили передвигались буквально ползком, а в тесных промежутках между ними мотоциклы петляли. Велосипеды и пешеходы заполняли каждый квадратный дюйм тротуаров. А она-то думала, что в Сан-Франциско жуткое уличное движение!

Дело не только в нем; Джакарта по-прежнему кажется Кейт ужасно чуждой. Она не чувствует себя дома. А может, никогда и не почувствует. Четыре года назад Кейт отправилась бы в любой уголок планеты, в любое место, только бы подальше от Сан-Франциско. Мартин Грей, ее приемный отец, сказал: «Джакарта была бы замечательным местом для продолжения твоих исследований... и... чтобы начать с чистого листа». Еще он говорил какие-то слова, дескать, время лечит любые раны. Но сейчас время у нее на исходе.

Она обернулась к столу и начала убирать фотографии, которые вынул Бен. Выцветший снимок большого танцевального зала с паркетными полами заставил ее задержаться. Как это он затесался среди ее рабочих материалов? Это единственное сохранившееся у нее фото дома в Западном Берлине неподалеку от Тиргартенштрассе, где прошло ее детство. Кейт уже с трудом представляла массивный трехэтажный особняк. В ее памяти он воспринимался скорее как иностранное посольство или роскошное поместье иной эпохи. Замок. Пустующий замок. Мать Кейт умерла при родах, а отец, хотя и был любящим и заботливым, дома бывал редко. Кейт пыталась увидеть его мысленным взором, но не могла. Всплыло лишь смутное воспоминание о холодном декабрьском дне, когда он взял ее на прогулку. Она помнила ощущение своей крохотной ладошки в его ладони, помнила, насколько безопасно себя чувствовала. Они прошагали всю Тиргартенштрассе, до самой Берлинской стены. Зрели-

ще было мрачное: семьи возлагали к ней венки и фотографии, надеясь и молясь, чтобы стена рухнула и их близкие вернулись. Остальные воспоминания представлялись проблесками – как он уезжает и возвращается, всякий раз с какой-нибудь безделушкой, привезенной издалека. Прислуга в лепешку расшибалась, чтобы заполнить лакуну. Слуги были заботливы, но, пожалуй, чуточку холодноваты. Как там звали экономку? Или гувернантку, жившую вместе с ней и остальной прислугой на верхнем этаже? Она учила Кейт немецкому языку. Немецким Кейт владеет по сей день, а вот имени этой женщины припомнить не может.

Чуть ли не единственное отчетливое воспоминание о первых шести годах ее жизни – это вечер, когда Мартин вошел в ее танцзал, выключил музыку и сообщил, что отец домой не вернется – больше никогда, а она теперь будет жить с Мартином.

Кейт хотелось бы стереть это воспоминание, да и тринадцать последующих лет заодно. С Мартином она переехала в Америку, но города так и мельтешили, сливаясь в неясную полосу, пока он мотался из экспедиции в экспедицию, а ее перебрасывали из одной школы-интерната в другую. И уж больше нигде она не чувствовала себя дома.

Ее научно-исследовательская лаборатория ближе всего подошла для нее к представлению о настоящем доме. Кейт проводит здесь каждую минутку бодрствования. После Сан-Франциско они погрузилась в работу с головой, и то, что на-

чиналось как защитный механизм, переросло в повседневность, стало образом жизни. Научная команда стала для нее семьей, а объекты исследований – ее детьми.

И вот всему этому приходит конец.

Ей нужно сосредоточиться. И еще кофе. Кейт спихнула стопку фотографий с письменного стола в коробку под ним. Куда это Бен запропастился?

Выйдя в коридор, Кейт направилась в кухню для персонала. Никого. Проверила кофейник. Пусто. Здесь мигающие огни тоже сработали.

Стряслось что-то неладное.

– Бен! – позвала Кейт.

До подхода остальных сотрудников еще целые часы. У них причудливый график, но работают они на совесть. А Кейт больше всего волнует как раз работа.

Она рискнула выйти в исследовательское крыло, состоящее из ряда кладовых и кабинетов, окружающих большую стерильную лабораторию, где Кейт и ее команда конструируют генно-терапевтические ретровирусы, которые, как они уповают, будут лечить аутизм. Заглянула сквозь стекло. Бена в лаборатории не оказалось.

В этот утренний час в здании было жутковато. Царило запустение, безмолвие и не то чтобы тьма, но и не то чтобы свет. Из окон комнат в коридор били столбы солнечного света, будто прожекторы, выскивающие малейшие признаки жизни.

Шаги Кейт отдавались гулким эхом, пока она шла через сумрачное исследовательское крыло, заглядывая в каждую комнату, щурясь от яркого джакартского солнца. Везде запустение. Осталась лишь жилая секция – спальные блоки, кухни и вспомогательные помещения для проведения исследований примерно над сотней детей, страдающих аутизмом.

Вдали послышались другие шаги, более частые, чем шаги Кейт, – топот бегущих ног. Она зашагала быстрее в их направлении, и едва успела свернуть за угол, как Бен схватил ее за руку.

– Кейт! Пойдем скорей!

Глава 2

Железнодорожный вокзал Манггараи
Джакарта, Индонезия

Дэвид Вэйл отступил в тень кассы железнодорожного вокзала и, покупая в киоске «Нью-Йорк таймс», украдкой разглядывал этого человека. Уплатив торговцу, прошел мимо урны, не выбросив туда газету. Это не контактное лицо.

По ту сторону киоска на вокзал неспешно вползал пригородный поезд, по самую крышу набитый индонезийскими рабочими, приезжающими в столицу из окрестных городов и весей на работу. Пассажиры гроздьями свисали из всех раздвижных дверей – по большей части мужчины среднего возраста. На крышах вагонов сидели подростки и молодежь, по-турецки и на корточках, потягиваясь, читая газеты, манипулируя смартфонами и разговаривая. Этот битком набитый пригородный поезд олицетворяет самое Джакарту – город, лопающийся по швам от растущего населения в стараниях осовремениться. Массовые перевозки – один из наиболее явных признаков отчаянных попыток столицы вместить в черте метрополиса двадцать восемь миллионов человек.

Приехавшие тотчас начали поспешно покидать поезд, наводнив вокзал, будто покупатели – супермаркеты в Черную пятницу в Америке. Воцарился хаос. Рабочие толкались, ра-

ботали локтями и орали, бегом устремляясь из дверей вокзала, пока другие пробивались им навстречу. Такое происходит здесь и на других пригородных вокзалах по всему городу что ни день. Идеальное место для встречи.

Дэвид не сводил глаз с газетного киоска. Наушник с треском пробудился:

– Часовая Мастерская – Сборщику. Уведомляем, прибытие в час ноль плюс двадцать.

Контакт запаздывает. Команда начинает нервничать. Невысказанный вопрос: не отменяется ли миссия?

Дэвид поднес мобильный телефон к губам.

– Вас понял, Часовая Мастерская. Трейдер, Брокер, доложите.

Со своего наблюдательного пункта Дэвид видел обоих оперативников. Один сидел на скамейке посреди бурлящей толпы. Другой занимался электропроводкой возле туалетов. Оба доложили, что пока не заметили никаких признаков появления их анонимного информатора – человека, утверждающего, что располагает подробностями предстоящего террористического акта под названием «Протокол Тоба».

Оперативники хорошие – двое лучших из Джакартского отделения; Дэвид с трудом мог отличить их в толпе. Озирая остальную территорию вокзала, он ощутил какое-то смутное беспокойство.

Наушник снова затрещал. На связь вышел Говард Киган – директор «Часовой башни», контртеррористической орга-

низации, на которую работает Дэвид.

– Сборщик, Оценщик, похоже, продавцу сегодняшний рынок не по вкусу.

Дэвид – начальник Джакартского отделения, а Киган – его босс и наставник. Старик явно не хочет наступать Дэvidу на пальцы, отменяя операцию, но смысл послания очевиден. Киган прибыл из самого Лондона в надежде на прорыв. Это большой риск, учитывая прочие текущие операции «Часовой башни».

– Согласен, – отозвался Дэвид. – Давайте закругляться.

Оба оперативника как ни в чем не бывало покинули свои позиции, затерявшись в полчищах торопящихся индонезийцев.

Дэвид бросил последний взгляд на киоск прессы, где высокий мужчина в красной ветровке расплачивался за что-то. Газета. «Нью-Йорк таймс».

– Трейдер и Брокер, приготовиться. У нас покупатель, разглядывающий товар, – проговорил Дэвид.

Отойдя от прилавка, мужчина поднял газету, помедлив несколько секунд, чтобы пробежать взглядом первую полосу. Не оглядываясь, сложил газету, швырнул ее в урну и быстро зашагал к набитому поезду, отъезжающему от перрона.

– Контакт. Иду на связь.

Дэвид из тени ринулся в толпу. Мысли его неслись галопом. Почему тот опоздал? И вид у него – какой-то... непра-

вильный. Бросающаяся в глаза красная ветровка, осанка (выправка то ли военного, то ли оперативника), походка.

Мужчина втиснулся в поезд и начал, извиваясь, продирается сквозь плотную толпу стоящих мужчин и сидящих женщин. Ростом он превосходил почти всех пассажиров поезда, и Дэвид все еще видел его голову. Втиснувшись в поезд за ним, Дэвид остановился. Почему контакт удирает? Заметил что-нибудь? Его спугнули?

А затем это случилось. Тот обернулся, бросив взгляд на Дэвида, и выражение его глаз сказало все без утайки.

Развернувшись, Дэвид спихнул четверых мужчин, стоявших в дверях, на перрон. Толкнул их прочь от поезда, а тем временем самые нетерпеливые пассажиры хлынули в образованную им брешь. Дэвид уже хотел было крикнуть, когда поезд содрогнулся от взрыва, осыпая вокзал осколками стекла и металла. Ударная волна швырнула Дэвида на бетон перрона, вогнав его между тел – частью уже мертвых, частью извивающихся от боли. Воздух заполнился криками. Сквозь дым сыпались обломки и зола, будто снегопад. Дэвид не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Голова у него запрокинулась, и он едва не потерял сознание.

На миг он вдруг снова перенесся в Нью-Йорк, удирая от рушащегося здания, а потом оказался под ним – в западне, в ожидании. Невидимые руки схватили и вытащили его. «Мы добрались до тебя, приятель», – сказал кто-то. Под завывание сирен грузовиков с эмблемами пожарной охраны и де-

партамента полиции Нью-Йорка солнечный свет ударил ему прямо в лицо.

Но на сей раз за ним пришла не «скорая», а черный фургон курьерской службы, стоявший перед железнодорожным вокзалом. И люди были не нью-йоркскими пожарными, а двумя оперативниками – Трейдером и Брокером. Забросив Дэвида в фургон, они рванули прочь, мимо автомобилей джакартской полиции и пожарных, запрудивших все улицы.

Глава 3

Центр исследования аутизма (ЦИА)

Джакарта, Индонезия

Четвертая комната для игр так и бурлила активностью. Сцена знакомая: повсюду разбросаны игрушки, а по комнате рассеяны с дюжину детей – каждый играет в полном одиночестве. В углу восьмилетний паренек по имени Ади, раскачиваясь взад-вперед, без труда собирал головоломку. Едва положив последний фрагмент, он поднял взгляд на Бена с гордой улыбкой на губах.

Кейт не могла поверить собственным глазам.

Мальчик только что решил головоломку, которую ее команда использует для выявления гипермнетиков – индивидуумов, страдающих аутизмом и обладающих особыми когнитивными способностями. Чтобы собрать головоломку, требуется коэффициент интеллекта в пределах от 140 до 180. Сама Кейт собрать ее не могла, и единственный ребенок из подопытных, кому это удалось, – Сатъя.

На глазах у Кейт ребенок быстро нашел решение, разбросал детали и собрал снова. Встав, Ади уселся на скамью рядом с Сурьей – подопытным семилеткой. Младший мальчик взялся за головоломку и решил ее с такой же легкостью.

– Можешь поверить? – повернулся Бен к Кейт. – Как по-

твоему, они делают это по памяти? Посмотрев, как это делает Сатъя?

– Нет. А может, и да. Сомневаюсь, – отозвалась Кейт. Мысли учинили в голове настоящую чехарду. Ей требуется время, чтобы обдумать это. Ей нужна уверенность.

– Мы ведь над этим и трудились, не так ли? – поинтересовался Бен.

– Да, – рассеянно проронила Кейт.

Не может этого быть. Это не должно сработать настолько быстро. Вчера эти дети демонстрировали классические признаки аутизма – если таковые вообще существуют. Все больше и больше исследователей и врачей начинают признавать аутизм как целый спектр расстройств с широким рядом симптомов. В основе болезни находятся функциональные нарушения в общении и социальном взаимодействии. Большинство детей, страдающих аутизмом, избегают визуального контакта и общения, другие не реагируют на собственные имена, а в самых тяжелых случаях дети вообще не переносят никаких контактов. Вчера ни Ади, ни Сурья не могли решить головоломку, не могли смотреть на других людей, не могли даже играть по очереди.

Нужно сообщить Мартину. Он уж позаботится, чтобы финансирование не прекратили.

– Что ты хочешь делать? – спросил явно взволнованный Бен.

– Отведи их во вторую наблюдательную. Мне нужно по-

звонить. – В рассудке Кейт схлестнулись недоверие, изнеможение и радость. – И... э-э... надо провести диагностику. ADI-R. Нет, ADOS2², займет меньше времени. И давай снимем это на видео.

Кейт с улыбкой ухватила Бена за плечо. Ей хотелось сказать что-нибудь проникновенное, многозначительное, знаменующее этот момент, слова, которые, по ее представлениям, изрекают блестящие будущие знаменитые ученые в переломный момент, но не выдавила ни слова, только утомленно улыбнулась.

Кивнув, Бен взял детей за руки. Кейт распахнула дверь, и они вчетвером вышли в коридор, где их ожидали двое людей. Нет, не людей – монстров, облаченных от макушки до пят в военное снаряжение – каски поверх тканевых масок, темные очки наподобие горнолыжных, бронежилеты и черные резиновые перчатки.

Застыв, Кейт и Бен недоверчиво переглянулись и тут же отодвинули детей, заслонив их собой. Откашлявшись, Кейт произнесла:

– Это научно-исследовательская лаборатория, денег у нас тут нет, но оборудование берите, берите, что хотите. Мы не...

– Заткнись! – Голос у мужчины был грубый, словно он

² ADI-R (Autism Diagnostic Interview-Revised), ADOS2 (Autism Diagnostic Observation Schedule, 2-я редакция) – стандартизованные диагностические процедуры для выявления аутизма.

всю жизнь только и делал, что пил и курил. Повернувшись к малорослому сообщнику – явно женщине, он приказал: – Бери их!

Женщина шагнула к детям. Не задумываясь, Кейт заступила ей дорогу.

– Не надо! Берите что угодно! Возьмите меня вместо...

Выхватив пистолет, мужчина нацелил оружие на нее.

– В сторонку, доктор Уорнер! Я не хочу причинять вам вред, но это меня не остановит.

Ему известно, кто я такая.

Уголкем глаза Кейт заметила, как Бен подбирается ближе, нацелившись на промежуток между ней и вооруженным монстром.

Ади попытался убежать, но женщина схватила его за шиворот.

Бен ступил рядом с Кейт, затем перед ней, а затем оба ринулись на вооруженного чужака. Повалили его в тот самый миг, когда пистолет грохнул. Кейт увидела, как Бен скатился с человека в черном. Кровь была повсюду.

Она попыталась подняться, но противник ее опередил. Он был слишком силен. Пригвоздил ее к земле, и Кейт услышала громкий треск...

Глава 4

Конспиративная квартира «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Через тридцать минут после взрыва поезда Дэвид сидел за дешевым раздвижным столом на конспиративной квартире, терпеливо снося хлопоты санитара и пытаясь связать концы с концами по поводу теракта.

– Ой, – скривился Дэвид, отшатываясь от спиртового тампона, которым санитар протирал ему лицо. – Правда, спасибо, но давайте отложим это на потом. Я в порядке. Отделался царапинами и ссадинами.

В другом конце комнаты Говард Киган встал от шеренги компьютерных дисплеев и подошел к нему.

– Это была западня, Дэвид.

– Зачем? Это лишено всякого смысла...

– Не лишено. Тебе надо это видеть. Я получил это перед самым взрывом. – И Киган вручил ему листок бумаги.

<<< ТОЛЬКО ДЛЯ ГЛАЗ >>>

<<< ЧАСОВОЙ БАШНИ >>>

<<< ЦЕНТРКОМ >>>

«Часовая башня» атакована.

Отделения в Кейптауне и Мар-дель-Плате
уничтожены.

Карачи, Дели, Даха и Лахор понесли потери.
Рекомендуется инициировать Файрволл.
Просьба уведомить.
<<< КОНЕЦ БЮЛЛЕТЕНЯ >>>

Киган сунул листок в карман пиджака.

– Он солгал о нашей проблеме с безопасностью.

Дэвид потерял виски. Кошмарный сценарий. В голове до сих пор пульсировало после взрыва бомбы. Надо подумать.

– Он не лгал...

– Самое меньшее недооценивал, а скорее это была ложь через умолчание с целью парализовать и отвлечь нас ради этой крупной атаки на «Часовую башню».

– Атака на «Часовую башню» не означает, что террористическая угроза вымышленна. Это могло быть прелюдией...

– Возможно. Но наверняка нам известно лишь то, что «Часовую башню» приперли к стене. Ваш первый долг – обезопасить свое отделение. У вас тут крупнейший филиал в Юго-Восточной Азии. Может статься, ваша штаб-квартира в данный момент уже атакована. – Киган подхватил свою сумку. – Я возвращаюсь обратно в Лондон, чтобы попытаться управлять происходящим оттуда. Удачи, Дэвид.

Они обменялись рукопожатием, и тот проводил Кигана из квартиры.

На улице к Дэвиду подбежал парнишка, несший стопку газет. Размахивая ими в воздухе, он кричал:

– Вы слышали? Джакарта подверглась нападению!

Дэвид оттолкнул его, но мальчишка сунул свернутую газету ему в руку и опрометью бросился за угол.

Дэвид хотел было отшвырнуть газету прочь, но... слишком уж она оказалась тяжелой. И в нее что-то завернуто. Он развернул бумагу – и оттуда выпала круглая черная трубка длиной около фута. Самодельная трубчатая бомба.

Глава 5

Центр исследования аутизма (ЦИА)

Джакарта, Индонезия

Шеф полиции Западной Джакарты Эдди Куснади, утирая пот, направился на место преступления – в какую-то научную лабораторию на западной окраине города. Один из соседей сообщил о стрельбе. Это хороший район – того рода, где жители располагают политическими связями, так что придется проверить. Очевидно, какое-то медицинское учреждение, хотя некоторые комнаты выглядят почти как детский сад.

Паку, один из лучших офицеров в штатском, жестом пригласил его в комнату в глубине здания, где несколько полицейских обступили женщину, без сознания распростершуюся на полу, и мужчину, лежащего рядом с ней в луже собственной крови.

– Ссора любовников?

– Мы так не думаем, – ответил Паку.

Где-то на заднем плане шеф слышал плач нескольких детишек. В комнату вошла коренная индонезийка и, едва увидев тела, заголосила.

– Уберите эту дамочку отсюда, – распорядился шеф. Двое офицеров вывели ее из комнаты. – Кто они? – спросил он у

Паку, единственного оставшегося полицейского.

– Женщина – доктор Катерина Уорнер.

– Доктор? Так это медицинская клиника?

– Нет. Научно-исследовательское учреждение. Уорнер – его глава. Женщина, которую вы только что видели, – одна из нянек, они ведут исследования детей-инвалидов.

– Непохоже, чтобы это было очень уж прибыльно. А парень кто? – осведомился шеф.

– Один из лаборантов. Няня говорит, что другой лаборант предложил присмотреть за детьми, так что она отправилась домой. Она утверждает, что двоих детей не хватает.

– Удрали?

– Она так не думает, говорит, в здании есть сигнализация, – сообщил Паку.

– Видеокамеры на здании?

– Нет. Какие-то камеры наблюдения в комнатах с детьми.

Мы просматриваем видеоматериалы.

Наклонившись, шеф осмотрел женщину. Тошная, но не костлявая. Это ему понравилось. Пощупав пульс, он повернул ее голову набок, чтобы посмотреть, нет ли у нее травмы головы. Заметил небольшие синяки на запястьях, но в остальном она выглядела невредимой.

– Что за бардак! Узнайте, были ли у нее деньги. Если да, везите ее в участок. Если нет, отправляйте в больницу.

Глава 6

Научно-исследовательский комплекс корпорации «Иммари»

Окрестности Буранга, Китай
Тибетский автономный район

Войдя в кабинет доктора Шэня Чанга, руководитель проекта швырнул папку ему на стол.

– У нас есть новая терапия.

Схватив папку, доктор Чанг принялся перелистывать страницы.

Руководитель расхаживал по комнате взад-вперед.

– Очень многообещающая. Воспроизведем ее по-быстрому. Я хочу, чтобы машина была готова и подопытные прошли новую терапию в течение четырех часов.

Опустив папку, Чанг поднял глаза, открыл было рот, но руководитель только отмахнулся:

– И слышать не хочу. Инцидент может произойти в любой момент – сегодня, завтра, да уже мог с равным успехом произойти. Некогда нам осторожничать.

Чанг было заговорил, но руководитель снова его оборвал:

– И не говорите, что вам нужно больше времени. Время у вас было. Нам нужны результаты. А теперь поведайте, что вы намерены предпринять.

Чанг рухнул в свое кресло.

– Последние испытания перегрузили местную энергосистему; мы превысили локальную установленную мощность. Мы считаем, что устранили проблему, но наши действия могут вызвать у регионального энергетического ведомства подозрения. Более существенное осложнение заключается в том, что у нас кончаются приматы...

– Мы не будем проводить испытания на приматах. Я хочу, чтобы к испытаниям приготовили партию из пятидесяти субъектов.

Резко выпрямившись, Чанг с большим напором заявил:

– Даже если отбросить нравственные соображения – чего я призываю вас не делать, – нам просто требуется больше данных, чтобы начать испытания на людях, нам потребуются...

– У вас они есть, доктор. Все они в папке. И прямо сейчас мы собираем дополнительные данные. И это еще не все. У нас имеется два субъекта с устойчивой активацией атлантического гена.

Чанг вытаращил глаза.

– Вы... два... как...

– Загляните в папку, доктор, всё там, – указал тот на папку быстрым, как бросок кобры, движением. – И скоро они будут здесь. Так что лучше приготовьтесь. Вам всего-то и потребуется, что воспроизвести генную терапию.

Чанг перелистывал страницы, читая и что-то бормоча се-

бе под нос. Потом поднял голову:

– Субъекты – дети?

– Да. А что, разве это проблема?

– Э-э, нет. Ну, может быть... А может, и нет.

– Правильный ответ: «Может, и нет». Позвоните мне, если понадобится, доктор. Четыре часа. Не мне вам говорить, что поставлено на кон.

Но доктор Чанг уже не слышал его, с головой уйдя в записки доктора Катерины Уорнер.

Глава 7

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Дэвид смотрел на черную трубку через узкое окошко взрывозащитного экрана. На отворачивание колпачка трубки манипулятором, управляемым вручную, ушла целая вечность. Но надо заглянуть внутрь. Дело в весе – трубка слишком легкая для бомбы. Гвозди, картечь и шарики от подшипников весили бы куда больше.

Наконец колпачок отвалился, и Дэвид наклонил трубку. Оттуда выскользнула свернутая в трубку бумага. Толстый гляцевый листок. Фотография.

Дэвид развернул ее. Там оказалось спутниковое фото айсберга, плывущего по темно-синему морю. В центре айсберга – какой-то продолговатый черный объект. Подводная лодка, торчащая из льда. Надпись на обороте снимка гласила:

Протокол Тоба существует.

$12+4+47 = 4/5$; Джонс

$22+7+47 = 3/8$; Андерсон

$4+10+47 = 5/4$; Эймс

Сунув снимок в картонную папку, Дэвид перешел в комнату внешнего наблюдения. Один из двоих инженеров обер-

нулся от шеренги экранов.

– От него пока ни слуху ни духу.

– Есть что-нибудь из аэропортов? – осведомился Дэвид.

Постучав по клавишам, инженер поднял голову.

– Да, пару минут назад он приземлился в Сукарно-Хатте.

Хотите, организуем, чтобы его там задержали?

– Нет. Он нужен мне здесь. Просто позаботьтесь, чтобы его не заметили на экранах видеонаблюдения этажом выше. Дальнейшее беру на себя.

Глава 8

Мировая сводка Би-би-си,
телеграфный выпуск

Потенциальные террористические акты в жилых районах Мар-дель-Платы, Аргентина, и Кейптауна, Южная Африка.

**** Экстренные новости: Также сообщают о взрывах в Карачи, Пакистане и Джакарте, Индонезия. По мере поступления подробностей мы будем вас информировать. ****

Кейптаун, Южная Африка // Сегодня безмятежность раннего утра в Кейптауне нарушил треск автоматных очередей и взрывы гранат, когда группа ориентировочно из двадцати вооруженных боевиков ворвалась в многоквартирный дом, убив четырнадцать человек.

Полиция от официальных комментариев по подводу этого нападения пока воздерживается.

Как утверждают очевидцы событий, атака походила на спецоперацию. Репортер Би-би-си получил на месте происшествия такое признание очевидца: «Ага, я видел это, смахивало на танк или типа того, знаете, один из этих бронетранспортеров, вкатил он, значит, на поребрик, а там мужики посыпались с него, как ниндзи, робосолдаты или типа того, двигаясь этак механически, а потом вроде как весь дом взлетел на воздух, стекла сыпались повсюду, ну, я оттудова и

рванул. В смысле, райончик там не из спокойных, но, чувак, такого я еще не видал. Сперва-то я подумал, что это типа налет на наркоточку. Чё бы оно там ни было, все это пошло очень скверно».

Другой свидетель, также высказавшийся на условиях анонимности, подтвердил, что никаких официальных опознавательных знаков ни на транспортном средстве этой группы, ни на форме ее участников не было.

Репортер Рейтер, ненадолго получивший доступ на место событий, прежде чем полиция выдворила его, описывает его следующим образом: «Мне это показалось больше похожим на явочную квартиру – может, ЦРУ или МИ-6. Требуется очень хорошее финансирование, чтобы располагать такой техникой – ситуационный центр с компьютерными дисплеями от стены до стены, громадная серверная. И трупы повсюду. Примерно половина в штатском; на остальных черные бронежилеты вроде тех, которые были надеты на нападавших, как утверждают свидетели».

Пока неясно, понесли ли нападавшие какой-либо урон, вынуждены ли они были покинуть кого-либо на месте, или тела принадлежат исключительно лицам, державшим оборону. Би-би-си пыталась получить по этому поводу комментарии как от ЦРУ, так и от МИ-6, но оба агентства от каких-либо высказываний воздержались.

Неизвестно, связан ли этот инцидент каким-либо образом с аналогичным, произошедшим сегодня ранее в Мар-дель-

Плате, Аргентина, где чудовищный взрыв в бедных кварталах послужил причиной гибели двенадцати человек приблизительно в два часа ночи по местному времени. Очевидцы утверждают, что взрыв последовал за налетом тяжеловооруженной группы, опознать которую не удалось.

Как и в случае нападения в Кейптауне, ни одна из террористических группировок ответственность за атаку в Мардель-Плате на себя не взяла.

«Мы весьма озабочены тем, что не представляем, кто в этом замешан, – заявил Ричард Букмейер, профессор Американского университета. – Исходя из первоначальных сообщений, если либо жертвы, либо преступники входят в какую-либо из террористических группировок... это означало бы уровень оснащенности, который до сих пор считался не достижимым ни для каких террористических организаций. Это либо новое действующее лицо, либо значительный эволюционный скачок одной из уже существующих группировок. Оба сценария потребуют переосмысления того, что мы считали известным о глобальной картине терроризма».

По мере поступления подробностей мы намерены публиковать дополнительные сведения.

Глава 9

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Дэвид занимался изучением карты Джакарты, указывающей расположение конспиративных квартир «Часовой башни» по городу, когда к нему вошел один из инженеров видеонаблюдения.

– Он здесь.

Дэвид сложил карту.

– Отлично.

* * *

Джош Коэн шагал к невзрачному многоквартирному дому, где расположилась штаб-квартира Джакартского отделения «Часовой башни». Окружающие здания по большей части заброшены – мешанина провалившихся проектов жилой застройки и полуразрушенных складских помещений.

Табличка на доме гласила: «Охранное предприятие «Часовая башня», инкорпорейтед», и для окружающего мира «Охранное предприятие «Часовая башня» – просто одна из все более многочисленных частных охранных фирм. Официально охранное предприятие «Часовая башня» обеспечи-

вает личную охрану и защиту руководителям корпораций и высокопоставленным иностранцам, посещающим Джакарту, а также услуги по частному сыску, когда местные правоохранительные органы «отнюдь не склонны к сотрудничеству». Идеальное прикрытие.

Войдя в здание, Джош прошел по длинному коридору, открыл тяжелую стальную дверь и приблизился к сверкающим серебристым дверям лифта. Панель рядом с дверьми отъехала в сторону, и он, приложив ладонь к зеркальной поверхности, произнес:

– Джош Коэн. Опознание по голосу.

Открылась вторая панель, уже на уровне лица, и красный луч пробежал по его лицу вверх и вниз, сканируя его, пока он держал глаза распахнутыми, а голову – неподвижно.

Динькнув, лифт впустил Джоша и понес его на средний этаж здания. Подъем происходил совершенно беззвучно, но Джош знал, что где-то в глубине здания инженеры видеонаблюдения в этот момент просматривают полный скан его тела, проверяя, нет ли на нем «жучков», бомб или каких-либо иных сомнительных предметов. И если что-нибудь обнаружится, лифт наполнится газом, лишенным цвета и запаха, и очнется Джош уже в камере. Ее стены будут последними, которые он узрит в этой жизни. Если же он выдержит проверку, лифт доставит его на четвертый этаж, последние три года служащий домом и ему, и джакартской штаб-квартире «Часовой башни».

«Часовая башня» – тайный ответ мира на терроризм без границ: контртеррористическое агентство, лишенное государственной принадлежности. Никакой канцелярщины. Никакой бюрократии. Только хорошие парни, убивающие плохих парней. Конечно, все не настолько просто, но «Часовая башня» подошла к этому ближе некуда.

«Часовая башня» независима, аполитична, антидогматична и, самое главное, предельно эффективна. И именно по этим причинам разведывательные службы наций всей планеты поддерживают «Часовую башню», хоть и не знают о ней ровным счетом ничего. Никто не знает, когда она возникла, кто ею командует, как она финансируется или где ее штаб-квартира. Когда Джош вступил в «Часовую башню» три года назад, он предполагал, что, став здесь своим, получит ответы на эти вопросы. Он заблуждался. Джош быстро поднялся по служебной лестнице, став начальником отдела анализа разведывательных данных Джакартского отделения, но по-прежнему знает о «Часовой башне» не больше, чем в тот день, когда его перевербовали из Управления анализа терроризма ЦРУ. Похоже, именно так и задумано.

Внутри «Часовой башни» информация строжайшим образом сегментирована между независимыми ячейками. Все они делятся разведанными с Централью, все получают разведанные из Централли, но ни одна ячейка не обладает целостной картиной или сведениями о глобальных действиях. Именно поэтому Джош испытал шок, шесть дней на-

зад получив приглашение на своего рода «встречу в верхах» для главных аналитиков каждой ячейки «Часовой башни». Явившись к Дэвиду Вэйлу – начальнику Джакартского отделения, – он даже спросил, не розыгрыш ли это. Тот ответил, что нет и что все начальники о совещании знают.

Но шок Джоша от приглашения быстро померк перед откровениями, прозвучавшими на совещании. Первым сюрпризом стало число присутствующих – двести тридцать восемь человек. Джош предполагал, что «Часовая башня» относительно мала – скажем, ячеек пятьдесят или около того в горячих точках планеты, – но представлен оказался весь мир. Если исходить из предположения, что каждая ячейка размером с Джакартское отделение – около пятидесяти агентов, – суммарная численность работников ячеек должна превышать десять тысяч человек плюс центральная организация, где должна быть по меньшей мере тысяча человек только для того, чтобы коррелировать и анализировать поступающие разведданные, не говоря уж о координации деятельности ячеек.

Масштабы организации просто ошеломляют – размерами она почти не уступает ЦРУ, где в общей сложности было около двадцати тысяч служащих, когда Джош там работал. И многие из этих двадцати тысяч занимались анализом в Лэнгли, штат Вирджиния, а вовсе не в поле. «Башня» же поджара, напрочь лишена бюрократии и организационного жирка ЦРУ.

Пожалуй, возможности «Часовой башни» по части проведения спецопераций затмевают потенциал любого правительства на земле. В каждой ячейке имеется три группы. Треть штата составляют оперативные сотрудники наподобие иностранной резидентуры ЦРУ; они работают под прикрытием в самих террористических организациях, картелях и прочих группировках негодяев, или в местах, где могут нарабатывать источники: местных правительствах, банках и департаментах полиции. Целью их являются агентурная разведка (АР) – разведданные из первых рук.

Вторая треть каждой ячейки занимается анализом. Аналитики подавляющую часть времени посвящают двум видам деятельности: взлому и догадкам. Они взламывают всё и вся – телефонные звонки, электронную почту, тексты, – затем комбинируют эту разведку источников электромагнитных сигналов, или РИЭС, с АР и всеми прочими местными разведданными, и передают результат в Централь. Главная обязанность Джоша – позаботиться, чтобы Джакартское отделение максимизировало сбор данных и сделало из них выводы. Извлечение выводов звучит лучше, чем догадки, но, по сути, его работа сводится к догадкам и выработке рекомендаций начальнику отделения. Далее начальник отделения, посоветовавшись с Централю, санкционирует местные операции, проводимые группой тайных операций ячейки – последней третью штата.

Джакартская группа тайных операций заслужила репута-

цию одной из лучших ударных групп «Часовой башни». Это реноме обеспечило Джошу на конференции нечто вроде статуса знаменитости. Ячейка Джоша де-факто является лидером по всему Азиатско-Тихоокеанскому региону, и все хотели знать секреты их мастерства.

Но пиететом к Джошу прониклись не все. Он с радостью встретился на конференции со многими из своих старых друзей – людей, с которыми бок о бок работал в ЦРУ или поддерживал связь в других государственных структурах. Просто невероятно; он общался с людьми, которых знал не один год. «Часовая башня» строго придерживается правила давать каждому новому члену новое имя, стирая его прошлое, и за рамками ячейки ему даже нельзя открывать свою личность. Голос при телефонных звонках вовне видоизменяется при помощи компьютера. Личные контакты строго возбраняются.

И встреча лицом к лицу с каждым главным аналитиком каждой ячейки сорвала завесу секретности. Это противоречило всем действующим протоколам «Часовой башни». Джош понимал, что для такого риска должна иметься причина – нечто крайне веское и крайне срочное, – но даже самые смелые его догадки и близко не подошли бы к тайне, которую Централь открыла на конференции. Он до сих пор не в силах был поверить ей до конца. И теперь должен поведать ее Дэвиду Вэйлу, и незамедлительно.

Пройдя в переднюю часть лифта, Джош стал перед самы-

ми дверьми, готовый кратчайшим путем устремиться в кабинет начальника отделения. Сейчас девять утра, и работа в Джакартском отделении должна быть в полном разгаре. В закутке аналитиков, должно быть, царит суматоха, как на торговых площадках Нью-Йоркской фондовой биржи, аналитики толпятся вокруг шеренг мониторов, указывая на экраны и отчаянно споря между собой. Напротив дверь группы подготовки полевых операций широко распахнута, и комната, наверное, битком набита оперативниками, готовящимися к трудовому дню. Подоспевшие последними стоят перед своими шкафчиками, торопливо надевая бронежилеты и рассовывая по всем карманам запасные магазины. Ранние пташки тем временем обычно сидят поблизости на деревянных скамейках, беседуя перед утренним брифингом о спорте и оружии, и товарищеские разговоры лишь изредка прерываются обычными для раздевалок розыгрышами и дурачествами.

Это фактически дом родной, и Джош не мог не признать себе, что скучал по нему, хотя конференция оказалась благотворной в совершенно неожиданном отношении. При мысли, что он принадлежит к большой когорте главных аналитиков – людей, обладающих тем же жизненным опытом, что и он, сталкивающихся с теми же проблемами и страхами, – Джош ощутил удивительный душевный подъем. В Джакарте он глава аналитического отдела, на него работает целая команда, он отчитывается только перед начальником отделения; но равных ему рядом нет, даже поговорить тол-

ком не с кем. Разведывательная деятельность – профессия одиночек, особенно для тех, кто стоит у руля. Это определенно наложило отпечаток на некоторых из его старых друзей. Многие постарели не по годам. Другие ожесточились и замкнулись в себе. Повидавшись с ними, Джош задумался, не кончит ли он тем же. За все приходится платить, но он верит в дело, которым они все заняты. Идеальных работ не бывает.

Наконец выбросив мысли о конференции из головы, он вдруг сообразил, что пора бы уже дверям лифта распахнуться. Когда Джош повернул голову, чтобы оглядеться, огоньки лифта размазались перед глазами, как при замедленном воспроизведении видео. Тело налилось тяжестью, каждый вздох давался с трудом. Джош протянул руку, чтобы схватиться за перила лифта, но пальцы не слушались; ладонь соскользнула, и стальной пол ринулся ему навстречу.

Глава 10

Комната для допросов «С»

Следственный изолятор полиции Западной Джакарты
Джакарта, Индонезия

Голова болела прямо-таки убийственно. Все тело ныло. А полиция отнюдь не жаждала прийти на помощь. Кейт очнулась на заднем сиденье полицейской машины, и водитель отказывался ей что-либо объяснить. А когда доехали до полицейского участка, дела пошли еще хуже.

– Почему вы меня не слушаете? Почему вы не занимаетесь поиском этих двоих детей? – Встав и опершись о металлический стол, Кейт Уорнер воззрилась на самодовольного мелкотравчатого следователя, уже растратившего попусту двадцать минут ее времени.

– Мы пытаемся их найти. Вот потому мы задаем вам эти вопросы, мисс Уорнер.

– Я уже вам сказала, что ничего не знаю.

– Может, да, а может, и нет, – произнося эти слова, недомерок покачал головой из стороны в сторону.

– Жопа моя может. Я сама их найду! – Она направилась к стальной двери.

– Эта дверь заперта, мисс Уорнер.

– Так отойдите.

– Невозможно. Пока подозреваемого допрашивают, она должна быть запертая.

– Подозреваемого? Мне нужен адвокат, и сейчас же!

– Вы в Джакарте, мисс Уорнер. Никакого адвоката, никакого звонка в американское посольство. – Тот продолжал смотреть вниз, сковыривая грязь со своих ботинок. – У нас тут много иностранцев, много посетителей, много людей, которые приезжают сюда и не уважают нашу страну, наш народ. Вот раньше как было? Мы боялись американского консульства, давали вам адвоката, и вам всегда удавалось отвертеться. Но мы учимся. Индонезийцы не так глупы, как вы думаете, мисс Уорнер. Вот потому вы работаете здесь, не правда ли? Вы думаете, мы чересчур глупые, чтобы разобраться, что вы затеваете?

– Ничего я *не* затеваю. Я пытаюсь излечить аутизм.

– Так почему не делать это в вашей собственной стране, мисс Уорнер?

Кейт никогда, хоть миллион лет пройди, не сказала бы этому человеку, почему покинула Америку. Вместо этого она заявила:

– Америка – самое дорогое место на свете для проведения клинических исследований.

– А, так дело в затратах, да? Здесь, в Индонезии, вы можете покупать младенцев для своих опытов?

– Я не покупала никаких младенцев!

– Но ваш эксперимент имеет право собственности на этих

детей, не правда ли? – Он развернул папку и указал на документы.

Кейт взглядом проследила за его пальцем.

– Мисс Уорнер, ваш эксперимент является официальным опекуном обоих этих детей – общим числом сто три, не правда ли?

– Официальное опекунство – отнюдь не право собственности.

– Вы используете другие слова. Так делала Голландская Ост-Индская компания. Вы об этом знаете? Я уверен, знаете. Они использовали слово «колония», но владели Индонезией больше двухсот лет. Корпорация владела моей страной и моим народом, и они относились к нам как к своей собственности, и брали, что им хотелось. В тысяча девятьсот сорок седьмом году мы наконец получаем нашу независимость. Но память моего народа еще свежа. Жюри присяжных будет видеть это так же. Вы взяли этих детей, не правда ли? Вы сказали себе, что вы за них не платили. И я не вижу записей их родителей. Они не давали согласия на опеку. Они хотя бы знают, что их дети у вас?

Кейт устремила на него испепеляющий взгляд.

– Я так и думал. Теперь мы куда-то движемся. Лучше быть честной. Одна последняя вещь, мисс Уорнер. Я вижу, что ваши исследования финансируются научно-исследовательским отделом «Иммари Джакарта». Вероятно, это только совпадения... но, к большому сожалению, «Иммари Хол-

дигс» приобрел многие активы голландцев, когда их прогнали шестьдесят пять лет назад... так что деньги для вашей работы пришли от...

Сунув листки в папку, он встал, словно этакий индонезийский Перри Мейсон, возглашающий свою заключительную речь.

– Вы можете видеть, как может видеть это жюри присяжных, мисс Уорнер. Ваши люди уходят, но возвращаются с новым именем и продолжают эксплуатировать нас. Вместо сахарного тростника и зерен кофе, как в девятисотых годах, теперь вы хотите новых лекарств, вам нужны новые морские свинки для экспериментов. Вы берете наших детей, проводите опыты, которые вы не можете проводить в своей собственной стране, потому что вы не будете делать это со своими собственными детьми, а когда что-то идет нехорошо – может, ребенок заболевает, или вы думаете, что власти узнают, – вы избавляетесь от этих детей. Но что-то идет неправильно. Может, один из ваших санитаров не может убить этих детей. Он знает, что это неправильно. Он оказывает сопротивление, и он убит в борьбе. Вы знаете, что полиция придет, так что вы придумываете эту историю про похищение? Да. Вы можете это признать; это будет лучше. Индонезия – милосердное место.

– Это неправда.

– Это самая логичная история, мисс Уорнер. Вы не даете нам альтернативы. Вы просите своего адвоката. Вы настаиваете.

ваете, чтобы мы освободили вас. Подумайте про то, как это выглядит.

Кейт уставилась на него.

Встав, человечек двинулся к двери.

– Очень хорошо, мисс Уорнер. Я должен вас предупредить: то, что последует, не будет приятно. Лучше всего сотрудничать, но, конечно, вы, умные американцы, всегда знаете лучше.

Глава 11

Научно-исследовательский комплекс корпорации «Иммари»

Окрестности Буранга, Китай
Тибетский автономный район

– Проснись, Цзинь, выкликают твой номер.

Цзинь попытался открыть глаза, но свет просто-таки слепил. Товарищ по комнате скорчился над ним, шепча что-то ему на ухо, но Цзинь не мог разобрать ни слова. На заднем плане гулкий голос вещал через громкоговоритель: «204394, явиться немедленно. 204394, явиться немедленно. 204394. 204394. Явиться».

Цзинь соскочил с узкой койки. Давно ли его вызывают? Он стрельнул глазами влево-вправо, взглядом обшаривая клетушку размером три на три метра, которую делит с Веем. Где его штаны и рубаша? Только не это – если он опоздает и забудет свое обмундирование, его наверняка выгонят. Да где же они?! Где?.. Товарищ по комнате, сидя на своей койке, протягивал ему белые хлопчатобумажные штаны и рубашу. Схватив вещи, Цзинь торопливо их натянул, едва не порвав штаны.

– Извини, Цзинь, я тоже спал, – уставившись в пол, прошептал Вей. – Я не слышал.

Цзинь хотел что-то сказать, но времени на это не было. Выбежав из комнаты, он помчался по коридору. Несколько каморок пустовали, а в большинстве было лишь по одному обитателю. Санитар у дверей пристройки распорядился:

– Руку!

Цзинь протянул руку:

– Двести четыре триста девяносто четыре.

– Спокойно, – велел медик. Помахал ручным прибором с экранчиком над предплечьем Цзиня. Тот пискнул, и санитар, повернув голову, гаркнул: – Есть! – И распахнул Цзиню дверь. – Ступай.

Цзинь присоединился к примерно пятидесяти другим «жильцам». Трое санитаров отконвоировали их в большую комнату с длинными рядами кресел. Высокие перегородки делили ряды наподобие отсеков. Рядом с каждым креслом, напоминающим пляжный шезлонг, высилась серебристая стойка с тремя мешками прозрачной жидкости, каждый с тянущейся от него трубкой. По другую сторону каждого кресла стоял аппарат с уймой циферблатов – больше, чем на приборной доске автомобиля, – и свисающим снизу жгутом проводов, привязанным к правому подлокотнику кресла.

Цзинь еще ни разу в жизни не видел ничего эдакого. Такого просто не бывало. С той поры, когда он прибыл в заведение шесть месяцев назад, повседневная рутина почти никогда не менялась: завтрак, обед и ужин точно в одно и то же время, и блюда всегда одни и те же; каждый раз после еды

брали кровь из штучки вроде клапана, которую ему вживили в правое предплечье; да порой еще приходилось делать днем упражнения с электродами на груди. Все остальное время они были ограничены стенами своих каморок три на три метра с двумя койками и туалетом. Каждые два-три дня делали его фотографию большой машиной, издающей басовитое жужжание. И всегда велели ему лежать неподвижно.

Мылись они раз в неделю – в большом общем душе. Это пока было самое худшее – пытаться сдержать при мытье беса. В первый месяц его пребывания одну парочку поймали на баловстве. Больше их не видели.

В последний месяц Цзинь пытался в банный день остаться в каморке, но его на этом подловили. Надсмотрщик влетел в его комнатку как оглашенный. «Еще раз ослушаешься, и мы тебя вышвырнем», – сказал он. Цзинь перепугался до смерти. Они тут платят состояние, целое состояние. А у него и выбора-то нет.

Его семья в прошлом году потеряла свою ферму. Налоги на маленькую ферму нынче никому не по карману; может, на большую еще куда ни шло. Цены на землю взлетели до небес, население по всему Китаю растет. Так что его семья поступила, как многие крестьянские семьи: отправила старших в город на заработки, а родители и младшие дети остались, чтобы как-то перебиться.

Старший брат нашел работу на заводе, делающем электронику. Цзинь с родителями навестил его через месяц, как

он приступил. Условия там куда хуже, чем здесь, и работа уже начала взимать свою дань – вместо сильного, энергичного двадцатиоднолетнего парня, покинувшего родительскую ферму, они увидели человека лет на двадцать старше. Бледный, волосы поредели, плечи сторбились. А еще он все время кашлял. Сказал, что на заводе инфекция и все в бараке ее подцепили, но Цзинь ему не поверил. Брат дал родителям немножко денег, сэкономленных с жалованья. «Только подумайте, лет через пять-десять у меня будет довольно, чтобы купить нам новую ферму. Я вернусь домой, и мы начнем сызнова». Все были взволнованы, и родители сказали, что очень им гордятся.

По пути домой отец Цзиня сказал, что завтра же пойдет и найдет работу получше. При его-то умении он уж, конечно, может стать где-нибудь бригадиром. Он будет зарабатывать хорошие деньги. Цзинь с матерью просто кивнули.

В ту ночь Цзинь слышал, как плачет мать, а вскоре за тем – крик отца. Они никогда не ругались.

На следующую ночь Цзинь выскользнул из своей комнаты, написал им записку и отправился в Чунцин – ближайший большой город. В городе было полным-полно людей, искавших работу.

В первых семи местах, куда сунулся Цзинь, ему дали от ворот поворот. А вот в восьмом вышло иначе. Не задавали никаких вопросов. Сунули ватную палочку ему в рот и заставили ждать в приемной целый час. Потом большинство

пришедших отослали. А еще через час назвали его номер – 204394 – и сказали, что могут нанять его в медицинское исследовательское учреждение. И сказали зарплату. Он подписывал бумаги так быстро, что аж рука заболела.

Цзинь прямо не мог поверить своему везению. Решил, что условия будут суровые, но попал пальцем в небо – тут чуть ли не курорт. А теперь он все испортил. Уж, конечно, его шибанут. Назвали же его номер.

Может, у него уже набралось на новую ферму. Да разве найдешь тут другое научное место? Он слышал, что большие фабрики в Китае обмениваются списками плохих рабочих. Эти люди не могут найти работу нигде. Это хуже смерти.

– Чего ждете?! – крикнул фельдшер. – Найдите себе места!

Цзинь и остальные человек пятьдесят босоногих «рабочих» в белых одеждах заспешили рассесться, суетясь, пихаясь локтями; несколько человек споткнулись. Места нашли себе все, кроме Цзиня. Стоило ему добраться до кресла, как кто-то в последний миг туда плюхался. Что, если он не найдет кресла? Может, это проверка. Может, надо...

– Эй, ты! Спокойно, спокойно. Поосторожней с аппаратурой, – приказал медик. – Просто сядь в ближайшее кресло.

Переведя дух, Цзинь прошел в следующий ряд. Полон. Но в последнем ряду место нашлось.

Пришла другая группа медработников в длинных белых халатах, с планшетными компьютерами в руках. Подошед-

шая к Цзиню молоденькая женщина подсоединила мешки к клапану на его руке и прикрепила к телу круглые датчики. Выстучав что-то на своем экране, она перешла к следующему креслу.

Может, это только новая проверка, подумал он.

Его вдруг потянуло в сон. Цзинь откинул голову на подголовник и...

* * *

Проснулся Цзинь в том же кресле. Мешки отстегнули, но датчики были подключены по-прежнему. Голова кружилась, тело затекло, будто он подцепил грипп. Попытался поднять голову. Ужасно тяжелая. Подошел «белый халат», посветил фонариком ему в глаза, потом отцепил датчики и велел ему пойти и встать с остальными у двери.

Когда Цзинь вставал, ноги едва не подкосились. Удержавшись за подлокотник, он выпрямился и заковылял к группе. Все выглядели сонливыми. Всего осталось человек двадцать пять – примерно половина вошедшей группы. А где остальные? Он что, опять проспал? И это наказание? Ему скажут, за что? Через пару минут к ним присоединился еще один мужчина; он выглядел даже хуже, чем Цзинь и остальные.

Санитары провели их по другому длинному коридору в громадное помещение, которого Цзинь еще ни разу не видел, – совершенно пустое, с очень гладкими стенами. У него

сложилось впечатление, что это подвал или навроде того.

Прошло несколько минут. Цзинь боролся с позывом усесться на пол. Ему не сказали, что можно сесть. Так он и стоял, понунив свою тяжелую голову.

Дверь открылась, и ввели двоих детей – не старше лет семи-восьми. Впустив их к группе, стражники с грохотом захлопнули за собой дверь.

Дети одурманены не были – во всяком случае, так Цзиню показалось. Вполне себе бодренькие. Они быстро пробирались через толпу народа. Смуглые. Не китайцы. Они переходили от человека к человеку в надежде найти знакомое лицо. Цзинь подумал, что они вот-вот расплачутся.

В дальнем конце помещения послышался механический лязг навроде лебедки. Через пару секунд до Цзиня дошло, что что-то там спускают. Ох, какая ж у него тяжелая голова! Он тужился поднять ее. Едва сумел разглядеть машину. Что-то вроде массивной железной пешки с плоской макушкой – а может, колокол с гладкими прямыми боками. Метра четыре в высоту – и, должно быть, тяжеленный: четыре троса, на которых его опускали, были просто великанские – наверное, с четверть метра в обхвате. Метрах в шести над землей штуковина остановилась, и два троса пошли вниз по стене по полозьям, которых Цзинь прежде не заметил. Остановились примерно наравне с громадиной и вроде как натянулись, заякорив ее с обеих сторон. С верха махины спускался еще один трос – даже толще, чем те, что по бокам. Но,

в отличие от остальных, он был не металлический и даже не жесткий. Сплетенные в жгуты охапки проводов или компьютерных кабелей, будто этакая электронная пуповина.

Дети остановились посреди толпы. Все взрослые силились поднять головы.

Глаза уже приспособились, и Цзинь с трудом различил значок, выгравированный на машине сбоку. Навроде фашистского символа, этого, как там его... запомнил. Как же хочется спать!

Машина была темная, но Цзиню казалось, что он слышит негромкий пульсирующий звук, будто кто-то ритмично бьет по толстой двери – *донн-донн-донн*. А может, на манер звука снимающего аппарата. Может, это просто другой снимающий аппарат? Делает групповой снимок? *Донн-донн-донн* с каждой секундой становилось громче, и на макушке здоровенной пешки появился огонь – наверное, в ее голове есть небольшие окошки. С каждой пульсацией звона вспыхивал желто-оранжевый огонь, придавая машине сходство с маяком.

Цзинь был так зачарован звуком и световыми вспышками машины, что даже не заметил, как люди вокруг него валятся с ног. Что-то происходило. И с ним тоже. Ноги стали еще тяжелее. Он услышал звук вроде сгибающегося металла – машина рвалась с удерживающих ее с обеих сторон тросов вверх.

Что ни секунда, пол тянул к себе все сильнее. Цзинь огля-

делся, но детей не увидел. Почувствовал, как кто-то схватил его за плечо. Обернувшись, увидел незнакомца, опирающегося на него. Лицо у того покрывали глубокие морщины, из носа хлестала кровь. Цзинь сообразил, что с его ладоней облезает кожа, марая одежду Цзиня. И не только кожа. Кровь незнакомца тоже начала расплзаться по рубашке Цзиня. Человек повалился на него, и они вдвоем рухнули на пол. Цзинь слышал, как *донн-донн-донн* махины сливается в один непрерывный набатный гул и сплошной свет, чувствуя, как хлынувшая носом кровь заливает лицо. А потом свет и звук внезапно оборвались.

* * *

В аппаратной доктор Чанг и его команда стоя смотрели, как неподвижные валяются грудой сморщенных, окровавленных тел.

Чанг без сил рухнул в кресло.

– Ладно, все, выключайте. – Сняв очки, он швырнул их на стол, ущипнул себя за переносицу и испустил вздох. – Придется доложить об этом директору.

Тот будет очень недоволен.

Поднявшись, Чанг направился к двери.

– И начинайте уборку; не утруждайтесь вскрытием.

Результаты все равно будут те же, что и в предыдущие двадцать пять раз.

* * *

Двое уборщиков, раскачав, швырнули тело в пластиковый контейнер на колесиках. Там уже лежит с десяток трупов. Сегодня, наверное, придется гонять к мусоросжигателю трижды – может, дважды, если навалить их с горкой.

Им доводилось убирать еще и не такое; тут хотя бы трупы целехонькие. Вот ежели они в ошметках, тут надобна целая вечность.

В костюмах химзащиты работенка нелегкая, но уж лучше это, чем альтернатива.

Они подняли следующий труп, раскачали, затем...

Кто-то в груди закопошился.

Двое пацанов барахтались под телами, тужась выползти. Перепачканные кровью с головы до ног.

Один из уборщиков принялся оттаскивать трупы от них. А второй, обернувшись к камерам, замахал руками.

– Эй! У нас тут двое живых!

Глава 12

Карцер Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

– Джош, ты меня слышишь?

Джош Коэн попытался открыть глаза, но свет был чересчур ярк. В голове стучало.

– Ну-ка, дайте мне еще одну.

Джош с трудом различал размытый силуэт человека, сидящего рядом с ним на жестком ложе. Где это он? Смахивает на одну из конвойных камер отделения. Тот поднес к носу Джоша ампулу и с громким щелчком разломил ее. Он вдохнул худший запах на свете – резкую, ошеломительную вонь аммиака, ворвавшегося в дыхательные пути, наполнившего легкие и буквально швырнувшего Джоша назад с такой силой, что затылок стукнулся о стену. Непрекращавшийся стук сменился острой болью. Зажмурившись, Джош потерял затылок.

– Ладно, ладно, успокойся! – Голос принадлежал начальнику отделения Дэвиду Вэйлу.

– Что происходит? – осведомился Джош.

Теперь он был в состоянии открыть глаза, и заметил, что Дэвид облачен в полную индивидуальную бронезащиту, и с ним еще двое полевых сотрудников, стоящих у дверей каме-

ры.

Джош сел.

– Должно быть, кто-то подсунул «жучка»...

– Расслабься, дело не в «жучке». Можешь встать? – перебил его Дэвид.

– Пожалуй, да. – Джош не без труда поднялся на ноги. Голова еще шла кругом от газа, отключившего его в лифте.

– Хорошо, следуй за мной.

Джош направился вслед за Дэвидом и обоими оперативниками прочь из комнаты предварительного задержания с конвойными помещениями и вдоль по длинному коридору, ведущему в серверную. У дверей серверной Дэвид обернулся к двоим бойцам.

– Ждите здесь. Радируйте мне, если кто-нибудь войдет в коридор.

Внутри серверной Дэвид снова стремительно зашагал вперед, и Джошу пришлось припустить чуть ли не рысцой, чтобы не отставать. При росте чуть больше шести футов начальник отделения мускулист – не такой амбал, как некоторые из оперов, смахивающие на полузащитников, но достаточно крупный, чтобы любой налакавшийся забияка в баре прикусил язык.

Они пробирались через загроможденную серверную, огибая одну за другой аппаратные стойки с металлическими ящиками, играющими зелеными, желтыми и красными мигающими огоньками. В помещении царила прохлада, и

неустанный гул машин малость выбивал из колеи. Группа из трех айтишников постоянно работает с серверами – подключая, отключая и заменяя аппаратное обеспечение, а попутно превращая помещение в свинарник. Джош споткнулся о кабель, но прежде чем он грохнулся на пол, Дэвид обернулся, подхватив его и снова поставив на ноги.

– Ты в порядке?

– Ага, – кивнул Джош. – Просто здесь бардак.

Дэвид промолчал, но остаток пути до высокого металлического картотечного шкафа в глубине серверной шел чуть помедленнее. Придя, отодвинул шкаф в сторону, открыв взору серебристую дверь и панель возле нее. Красный свет сканера ладони обшарил его руку, открылась вторая панель, осуществившая сканирование лица и сетчатки. Когда с этим было покончено, стена разверзлась, обнаружив темную металлическую дверь, будто доставленную сюда с какого-нибудь линкора.

Дэвид открыл и эту дверь, пройдя процедуру сканирования ладони второй раз, и ввел Джоша в помещение размером, наверное, с половину школьного спортзала. Их шаги гулко отдавались эхом от бетонных стен рукотворной пещеры, когда они направились к центру комнаты, где с потолка на толстых витых металлических шнурах свисал небольшой стеклянный ящик размером приблизительно двенадцать на двенадцать футов. Свет в ящике был пригашен, и Джош не видел, что там внутри, но и так знал, что это.

Он подозревал, что ячейка имеет такую комнату, но своими глазами ни разу ее не видел. Это тихая комната. Вся штаб-квартира Джакартского отделения – своего рода тихая комната, защищенная от подслушивающих устройств любого рода. В стенах отделения нет нужды в дальнейших предосторожностях – если только не хочешь, чтобы тебя не услышал больше никто из членов ячейки.

Несомненно, существуют протоколы, предписывающие ее наличие. Джош подозревал, что в этой комнате шеф говорит с другими начальниками отделений по телефону и видео. Может, даже с Централью.

Как только они приблизились к комнатке, из нее спустилась короткая стеклянная лестница, тут же убравшаяся, как только они вскарабкались внутрь. Стеклянная дверь за ними закрылась. На дальней стене висел ряд компьютерных дисплеев, но в остальном, мысленно отметил Джош, комната обставлена на удивление скудно: простой раздвижной стол с четырьмя стульями, два телефона, аппарат конференц-связи и старый стальной картотечный шкаф. Мебель дешевая и малость неуместная, вроде той, какую можно увидеть в вагончике прораба на строительной площадке.

– Садись, – пригласил Дэвид, а сам прошел к шкафу, чтобы достать несколько папок.

– Я должен доложить. Это важно...

– Полагаю, будет лучше, если ты дашь начать мне. – Дэвид присоединился к Джошу, положив папки на стол между

ними.

– При всем моем уважении, то, что я должен доложить, может изменить все твоё восприятие. Может привести к серьёзному пересмотру. Пересмотру всех активных операций Джакартского отделения и даже того, как мы анализируем каждый...

Дэвид поднял ладонь.

– Я уже знаю то, что ты собираешься мне сказать.

– Знаешь?

– Знаю. Ты собираешься мне поведать, что огромное большинство террористических угроз, которые мы отслеживаем, включая и операции в развитых странах, которые мы пока не понимаем, – не работа дюжины отдельных террористических и фундаменталистских группировок, как мы подозревали.

Джош не отозвался ни словом, и Дэвид продолжал:

– Ты собираешься сообщить мне, что сейчас «Часовая башня» полагает, что эти группировки – просто разные фасады одной глобальной супергруппировки, организации, своими масштабами превосходящей самые безумные прогнозы.

– Тебе уже сказали?

– Да. Но не только что. Я начал складывать фрагменты мозаики ещё до того, как вступил в «Часовую башню». Официально же мне было это сказано, когда меня сделали начальником отделения.

Джош отвел взгляд в сторону. Это не совсем предательство, но мысль, что нечто столь значительное замалчивали от него, главы отдела анализа, – все равно что кулак под дых. И в то же время он ломал голову, не должен ли был сам все сопоставить, не разочарован ли в нем Дэвид, что он не догадался об этом самостоятельно.

Дэвид ощутил его досаду.

– Как бы то ни было, я хотел сказать тебе уже давненько, но приходилось руководствоваться принципом служебной необходимости. И тебе нужно знать кое-что еще. Из примерно двухсот сорока участников конференции аналитиков сто сорок два по домам не вернулись.

– Что? Не понимаю. Они...

– Они не выдержали испытания.

– Испытания...

– Конференция была испытанием. С той минуты, как ты прибыл, и пока не вышел, ты находился под видео- и аудионаблюдением. Как и у подозреваемых, которых мы тут допрашиваем, организаторы конференции анализировали стрессовые напряжения голоса, расширение зрачков, движения глаз и дюжину прочих маркеров. Короче говоря, наблюдали за реакциями аналитиков на протяжении всей конференции.

– Чтобы проверить, не замалчиваем ли мы информацию?

– До, но куда важнее было посмотреть, кто уже знает о том, что излагают; в частности, кто из аналитиков уже знал о

существовании закулисной супертеррористической группировки. Конференция была охотой на «кротов» в масштабах всей «Часовой башни».

В этот момент стеклянные стены вокруг Джоша словно растворились. Он слышал слова Дэвида, но звучащие где-то на заднем плане, фоном к его собственным раздумьям. Конференция – идеальное прикрытие для западни. Все агенты «Часовой башни», даже аналитики, обучены стандартным методам контрразведки. Обман детектора лжи входит в стандартную программу обучения. Но выдать ложь за правду куда легче, чем сфальсифицировать эмоциональный отклик на нечто удивительное и поддерживать эту реакцию с достоверными показателями организма на протяжении трех дней; такое попросту невозможно. Однако проверять *каждого* главного аналитика?... Напрашивается вывод...

– Джош, ты меня слышишь?

Джош вскинул голову:

– Нет, извини, как-то разом все навалилось... «Часовая башня» подрыта.

– Да, и сейчас мне нужно, чтобы ты сосредоточился. Все разыгрывается очень быстро, и мне нужна твоя помощь. Проверка аналитиков была первым этапом «Протокола Файрволл» «Часовой башни». Прямо сейчас по всему миру главные аналитики, вернувшиеся с конференции, встречаются со своими начальниками отделений в тихих комнатах, точь-в-точь как эта, пытаясь вычислить, насколько надежны их

ячейки.

– Думаешь, Джакартское отделение скомпрометировано?

– Я был бы шокирован, если нет. Более того. Чистка аналитиков запустила целую вереницу событий. План, «Протокол Файрволл», призван был отфильтровать «кротов» среди аналитиков, а оставшиеся главные аналитики и начальники отделений должны вместе выявить всех, кто может быть двойным агентом.

– Разумно.

– Было бы, но мы недооценили масштабы прорыва. Мне нужно рассказать тебе немного о том, как организована «Часовая башня». Тебе известно, сколько в ней ячеек – в заданный момент времени от двухсот до двухсот пятидесяти. Тебе следует знать, что мы уже разоблачили некоторых главных аналитиков как «кротов» – человек шестьдесят. Они на конференцию даже не попали.

– Тогда кто же...

– Актеры. По большей части полевые агенты, раньше успевшие поработать аналитиками, это кто угодно может разыграть. Нам пришлось. Некоторые из аналитиков уже знали приблизительное число ячеек «Часовой башни», а актеры обеспечили еще и оперативное преимущество – обеспечивали трехдневное детектирование лжи, задавая целенаправленные вопросы, вытягивая ответы, провоцируя реакции.

– Невероятно... Как же под нас смогли подкопаться на-

столько глубоко?

– Это один из вопросов, на которые мы должны дать ответы. Есть и другие. Не все ячейки подобны Джакартскому отделению. Огромное большинство представляют собой немногим больше, чем посты перехвата информации; располагаются небольшими группами оперативных сотрудников резидентуры и отправляют Централы собранные АР и РИ-ЭС. Проваленный пост перехвата – дело скверное, это означает, что глобальный враг, кем бы он там ни был, мог использовать эти ячейки для сбора разведанных, а может, и для вброса нам дезы.

– Мы могли быть, по сути, совершенно слепы, – вставил Джош.

– Это верно. Наш оптимистический сценарий сводится к тому, что этот враг заимствовал собранные нами данные в подготовке массовой атаки. Сейчас нам известно, что это лишь половина дела. Несколько ведущих ячеек тоже скомпрометированы. То есть ячеек, аналогичных Джакартскому отделению, располагающих ресурсами для сбора информации и ведения серьезных тайных операций. Мы – одна из двадцати ведущих ячеек. Эти ячейки – последняя линия обороны, тонкая красная черта, отделяющая мир от того, что замышляет этот враг.

– Сколько ячеек скомпрометировано?

– Мы не знаем. Но три ведущие ячейки уже пали – Карачи, Кейптаун и Мар-дель-Плата рапортовали, что их же соб-

ственные спецсилы прошлись по их штаб-квартирам, убив большинство аналитиков и начальников отделений. Вести от них не поступали уже много часов. Спутники наблюдения над Аргентиной подтверждают уничтожение Мар-дель-Платской штаб-квартиры. Кейптаунским инсургентам помогали внешние силы. В это самое время, пока мы разговариваем, в Сеуле, Дели, Дакке и Лахоре идут перестрелки. Эти отделения могут выстоять, но нам следует исходить из предположения, что они тоже будут утрачены. Наши собственные силы спецназначения могут прямо сейчас готовиться захватить Джакартское отделение; может, захват уже происходит сию секунду за стенами этой комнаты, хотя сомневаюсь.

– Почему?

– Полагаю, они дождутся твоего возвращения. Учитывая все, что тебе известно, ты для них помеха. Когда бы они ни атаковали, ты непременно окажешься в первых строках списка мишеней. Идеальным моментом для удара был бы утренний брифинг; наверное, его-то они и ждут.

Джош почувствовал, что во рту пересохло.

– Так вот почему ты выдернул меня из лифта. – Он немного поразмыслил. – И что теперь, хочешь, чтобы я выявил угрозы среди штата до брифинга? Предпримем упреждающий удар?

– Нет, – покачал Дэвид головой. – Таков был первоначальный план, но теперь уже не до него. Исходим из того, что Джакартское отделение падет. Если мы скомпрометированы

столь же сильно, как и прочие ведущие ячейки, это лишь вопрос времени. Надо взглянуть на более обширную картину и постараться предугадать конечную цель нашего противника. Следует предположить, что одна или более ячеек уцелеет и что им удастся воспользоваться тем, к чему мы придем. Если нет – может, это пригодится одному из национальных агентств. Но один вопрос, причем чрезвычайно важный, ты еще не задал.

Джош на секунду задумался.

– Почему сейчас? И почему начали с аналитиков? Почему не убрать сперва полевых сотрудников?

– Очень хорошо, – Дэвид распахнул папку. – Двенадцать дней назад со мной связался анонимный источник, сообщивший две вещи. Первое, что надвигается террористическая атака – в невиданных прежде масштабах. И второе, что «Часовая башня» скомпрометирована. – Дэвид разложил несколько страничек. – Приложил список шестидесяти аналитиков, по его утверждениям, перевербованных. Мы последили за ними несколько дней и убедились, что они делают закладки и осуществляют несанкционированные контакты. Все сходилось. Источник сообщал, что таких может быть и больше. Остальное тебе известно: мы с остальными начальниками отделений организовали конференцию аналитиков. Мы допросили и подвергли скомпрометированных аналитиков изоляции, заменив их на конференции актерами. Кем бы ни был этот источник, он либо не знал о полевых аген-

тах, либо не стал их разоблачать по собственным соображениям. От встречи источник отказался, и никаких других сообщений я от него не получал. Мы провели конференцию, а потом... чистку. Источник хранил радиомолчание. Затем, вчера поздно ночью, связался со мной снова. Сказал, что хочет доставить вторую половину обещанных сведений – подробности массивированной атаки под кодовым обозначением «Протокол Тоба». Предполагалось, что мы встретимся сегодня утром на вокзале Манггарай, но он не объявился. Зато объявился субъект с бомбой. Но мне кажется, он хотел прийти. Сразу же после теракта парнишка дал мне газету с этим сообщением. – Дэвид подвинул через стол листок.

Протокол Тоба существует.

$12+4+47 = 4/5$; Джонс

$22+7+47 = 3/8$; Андерсон

$4+10+47 = 5/4$; Эймс

– Какой-то шифр, – заметил Джош.

– Да, что странно. Остальные сообщения были без затей.

Но теперь это обрело смысл.

– Не понимаю.

– Каким бы ни был шифр, это настоящее сообщение – то, ради чего все затевается. Источник ждал чистки рядов аналитиков, чтобы прислать свое зашифрованное сообщение в подходящий момент, чтобы быть в полной уверенности, что человек, который займется расшифровкой – а имен-

но ты, – не двойной агент. Он хотел, чтобы мы сосредоточились на чистке рядов аналитиков и отложили фейерверки до поры, пока он не сможет послать это сообщение. Знай мы, насколько глубоко погрязли, мы бы сначала устроили карантин оперативникам и полную заморозку деятельности «Часовой башни». И наша с тобой беседа не состоялась бы.

– Ага, но к чему утруждаться с шифром? Почему не послать сообщение открытым текстом, как предыдущие?

– Хороший вопрос. Должно быть, он тоже под наблюдением. Должно быть, передача этой информации открытым текстом чревата последствиями – возможно, повлекла бы его гибель или подстегнула эту террористическую атаку. Так что тот, кто за ним наблюдает, полагает, что содержание послания нам пока неизвестно. Может, как раз поэтому они и не уничтожают остальные ячейки – все еще думают, что могут сдержать «Часовую башню».

– Логично.

– Да, но один вопрос продолжает меня донимать: почему я?

Джош пораскинул умом.

– Верно, почему не директор «Часовой башни», не другие начальники отделений; наконец, почему бы просто не известить все разведывательные агентства мира? У них куда более обширные возможности по предотвращению атаки. Может, наводка для них ускорила бы атаку – как и отправка сообщения открытым текстом. Или... возможно, ты зани-

маешь уникальное положение, которое позволит предотвратить нападение... – Джош поднял глаза. – Или тебе что-то известно.

– Очень хорошо. Раньше я упоминал, что напал на след этой супертеррористической группировки еще до вступления в «Часовую башню». – Встав, Дэвид подошел к картотечному шкафу, чтобы достать еще две папки. – Я покажу тебе то, над чем работал более десяти лет, то, чего не показывал больше никому, даже в «Башне».

Глава 13

Комната для допросов «С»

Следственный изолятор полиции Западной Джакарты
Джакарта, Индонезия

Откинувшись на спинку стула, балансирующего на задних ножках, Кейт мысленно перебирала имеющиеся варианты. Придется сказать следователю, с чего начались исследования. Даже если он и не поверит, надо, чтобы это было записано в документах на случай, если ее решат судить.

– Стойте, – сказала она.

Тот помедлил у порога.

Опустив ножки стула на пол, Кейт положила ладони на стол.

– Есть очень веская причина того, почему мое учреждение приняло опеку над этими детьми. Вам следует кое-что понять. Приехав в Джакарту, я думала, что буду вести исследование точно так же, как любые другие в Америке. Это была моя первая ошибка. Мы потерпели провал... и мы... изменили подход.

Вернувшись от двери, маломерок сел и принялся внимательно слушать рассказ Кейт о том, как она потратила не одну неделю на подготовку вербовки пациентов.

Для проведения исследования организация Кейт наняла контрактную исследовательскую организацию (КИО) – в точности, как сделала бы в США. В Штатах фармацевтические компании фокусируются на разработке нового лекарства или терапии, и когда намечается нечто многообещающее, они часто передают проведение клинических испытаний на аутсорсинг сторонним КИО. Те находят медицинские клиники с врачами, заинтересованными в проведении испытаний. Далее клиники – или пункты – записывают пациентов, желающих принять участие в испытаниях, проводят лечение, а затем периодически осматривают их для выявления проблем со здоровьем – побочных явлений. КИО внимательно следит за каждым пунктом, докладывая о результатах спонсорской/исследовательской организации, а та в свою очередь отчитывается перед Управлением по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными средствами или его аналогами в других странах. Конечной целью испытаний является получение желаемого терапевтического эффекта без негативных побочных эффектов. Путь неблизкий, и до аптечных полок доходит менее одного процента лекарственных средств, разработанных лабораториями.

Вот тут и всплыла проблема: ни в Джакарте, ни в Индонезии в целом нет ни одной клиники для аутистов, нарушениями развития занимается лишь горстка специализированных учреждений. Но эти клиники в проведении клинических исследований не искушены – ситуация для пациентов опасная.

Фармацевтическая индустрия в Индонезии пребывает на зачаточном уровне – прежде всего потому, что рынок очень мал (Индонезия импортирует по большей части непатентованные медикаменты), так что по поводу клинических испытаний обращались к крайне немногим врачам.

КИО выступила с новаторской идеей: связаться с родителями напрямую, а для проведения терапии организовать клинику. Кейт и руководитель исследований – доктор Джон Хелмс – наконец встретились с КИО в попытках отыскать какие-либо альтернативы. Не нашли ни одной. Кейт убеждала доктора Хелмса поддержать план, и в конечном счете он согласился.

Они составили список семей в радиусе сотни миль от Джакарты, где есть дети с проявлениями аутизма. Кейт сняла аудиторию в одном из лучших отелей города и пригласила семьи на презентацию.

Буклет, посвященный испытаниям, она писала и переписывала не один день. В конце концов Бен, ворвавшись к ней в кабинет, заявил, что уволится с испытаний, если она не угомонится. Кейт уступила, и буклет отправился в комитет по этике, затем в типографию, и они приготовились к презентации.

И когда этот день пришел, Кейт стояла у двери, чтобы лично поприветствовать каждую пришедшую семью. Она отчаянно хотела, чтобы ладони перестали потеть, то и дело вытирая их о брюки. Первые впечатления решают все. Уверен-

ность, доверие, компетентность.

Она ждала. Хватит ли буклетов? На руках всего тысяча экземпляров, и хотя они разослали лишь шестьсот приглашений, прийти могут оба родителя. Могут явиться и другие семьи – надежной базы данных или реестра семей аутистов в Индонезии нет. Что они будут делать? Кейт велела Бену приготовиться на всякий случай воспользоваться копиром отеля; пока она будет выступать, он сможет размножить тезисы.

Миновало пятнадцать минут сверх назначенного часа. Явились первые две матери. Кейт снова вытерла ладони, прежде чем обменяться с ними рукопожатием, и говорила чуточку громче, чем следовало бы.

– Замечательно, что вы здесь... спасибо, что пришли... нет, как раз по адресу... садитесь, мы вот-вот начнем...

Миновало тридцать минут.

Час.

Она кружила среди шести матерей, стараясь поддерживать непринужденную беседу.

– Не знаю, что случилось... какого числа вам доставили приглашение?.. Нет, мы приглашали и других... По-моему, это какие-то проблемы с почтой...

Наконец Кейт провела пришедших в небольшой конференц-зал отеля, чтобы всем было не так неуютно, как в большом зале. Провела коротенькую презентацию, а матери тем временем одна за другой удалялись под разными предлогами – дескать, надо забрать детей, вернуться на работу и тому

подобное.

Тем временем доктор Хелмс в баре отеля напился пьян, как фортепьян. Когда Кейт присоединилась к нему, седовласый ученый наклонился к ней поближе и проговорил:

– Я же *говорил*, что это не сработает. Нам никого не набрать в этом городе, Кейт. Почему... эге-гей, бармен, ага, сюда, еще один, угу, то же самое, молодца... чего я там говорил? Ах да, нужно сворачиваться, и по-быстрому. Мне поступило предложение из Оксфорда. Боже, как же я скучаю по Оксфорду, тут так безбожно сыро, все время будто в парной. И должен признаться, лучшие свои работы я сделал там. А говоря о... – Он склонился еще ближе. – Не хочу сглазить, говоря слова Но. Бе. Лев. Ская. Но... я *слыхал*, что меня номинировали... это мог бы быть мой год, Кейт. Не могу дождаться, когда забуду об этом фиаско. И когда я поумнею? Наверное, как только доходит до благих дел, мое нежное сердце дает себя знать...

Кейт хотела указать, что у его нежного сердца очень жесткие запросы – зарплата втрое больше, чем у нее, и его имя идет первым на всех публикациях и патентах, несмотря на то, что все исследования построены на ее же постдокторских исследованиях, – но прикусила язык и допила остатки своего шардоне.

В тот же вечер она позвонила Мартину.

– Я не могу...

– Не продолжай, Кейт. Ты можешь все, на что настроишь-

ся. Ты всегда могла. В Индонезии двести миллионов человек и почти семь миллиардов человек на этой маленькой планетке. И целых полпроцента из них имеют те или иные проявления аутизма, а это тридцать пять миллионов человек – население Техаса. Ты отправила письма шестистам семьям. Не сдавайся. Я тебе не позволю. Завтра же утром позвоню финдиректору «Иммари Рисеч»; они продолжают тебя финансировать – будет этот халявщик Джон Хелмс участвовать в исследованиях или нет.

Этот звонок напомнил Кейт вечер, когда она позвонила ему из Сан-Франциско, и Мартин заверил ее, что Джакарта будет прекрасным местом, чтобы начать с чистого листа, продолжив исследования. Может, он все-таки окажется прав.

Назавтра утром, едва переступив порог лаборатории, Кейт велела Бену заказать намного больше буклетов об исследовании. И найти переводчиков. Они пойдут по деревням. Будут раскидывать более широкую сеть – и не станут дожидаться, когда семьи к ним придут. КИО она выставила за дверь, пропустив протесты доктора Хелмса мимо ушей.

Две недели спустя они усадили в три фургона четверых исследователей, восьмерых переводчиков и погрузили ящик за ящиком проспекты исследований, напечатанные на пяти языках – индонезийском (малайском), яванском, сунданском, мадурском и бетави. Даже выбор языков дался Кейт нелегкой ценой – по всей Индонезии говорят на более чем

семистах различных языках и диалектах, но в конечном счете она выбрала пять наиболее распространенных в Джакарте и на острове Ява. Шутки шутками, а позволить проблемам коммуникации сорвать ее клинические исследования лечения аутизма Кейт не могла.

Как и в отеле в центре Джакарты, вся ее старательная подготовка оказалась напрасной тратой сил. В первой же деревне Кейт и ее команду ждал сюрприз: там не оказалось детей с аутизмом. Буклеты крестьян не интересовали. Переводчики сообщили ей, что здесь никто ни разу не видел детей с подобными проблемами.

Бессмыслица какая-то. В каждой деревне должны обнаружиться хотя бы два-три потенциальных участника программы, а то и более.

В следующей деревне Кейт заметила, что один из переводчиков – пожилой мужчина – стоит, прислонившись к фургону, пока команда с остальными переводчиками ходит от двери к двери.

– Эй, а вы почему не работаете? – осведомилась Кейт.

– Потому что это все равно ничего не даст, – пожал тот плечами.

– Черта лысого не даст! Ну-ка, лучше...

Тот вскинул руки в успокоительном жесте.

– Не обижайтесь, мэ, я только хотел сказать, что вы задаете не те вопросы. Вы спрашиваете не тех людей.

Кейт взглянула на него более пристальным взглядом.

– Ладно. Кого бы вы спрашивали? И о чем?

Оттолкнувшись от фургона, тот жестом пригласил Кейт следовать за ним и зашагал дальше в деревню, даже не задерживаясь возле хороших домов. На окраине он постучался в первую же дверь, и как только ее открыла низкорослая женщина, быстро заговорил с резкими интонациями, время от времени указывая на Кейт. Почувствовав от этой сцены неловкость, она невольно принялась комкать одной рукой на груди лацканы своего белого халата. Над одеждой она тоже немало ломала голову, в конце концов решив, что повестка дня требует производить впечатление строгости и уверенности в своих силах. Теперь же ей оставалось лишь гадать, как она выглядит в глазах сельчан, по большей части облаченных в лохмотья, сшитые из лоскутков, унесенных из потогонных швейных цехов или переделанных из старого рванья с чужого плеча.

Сообразив, что женщина скрылась, Кейт шагнула было вперед, чтобы расспросить переводчика, но тот остановил ее, подняв руку, потому что женщина вернулась к двери, подталкивая перед собой троих детей, жавшихся к ее ногам. Уставившись в землю, они встали неподвижно, как статуи. Переходя от ребенка к ребенку, переводчик озирает их с головы до пят. Кейт переминалась с ноги на ногу, прикидывая, как быть. Дети явно здоровы; ни один не выказывает ни малейших признаков аутизма. Возле последнего ребенка мужчина наклонился и снова закричал. Мать торопливо

что-то проговорила, но он снова на нее строго прикрикнул, и женщина прикусила язык. Ребенок нервно произнес три слова. Переводчик что-то сказал, и ребенок повторил его слова. Кейт гадала, не имена ли это. А может, места?

Встав, переводчик начал снова указывать, покрикивая на женщину. Она яростно затрясла головой, повторяя одну и ту же фразу снова и снова. Но после нескольких минут попреков переводчика потупилась, заговорив чуть слышно, и указала на другую хижину. Тут голос переводчика впервые смягчился, и женщина, вроде бы испытав облегчение от его слов, поспешно загнала детей обратно в дом, в спешке едва не прихлопнув последнего дверью.

Сцена возле второй лачуги разыгрывалась практически по тому же сценарию, что и первая: переводчик страшал и указывал, Кейт неуклюже переминалась с ноги на ногу, а оробевшая крестьянка представила своих четырех детей и замерла в ожидании с затаенной в глазах тревогой. На сей раз, когда переводчик задал одному из детей свои вопросы, ребенок произнес пять слов – имена, как заключила Кейт. Мать запротестовала, но переводчик, не обращая на нее внимания, продолжал давить на ребенка. Когда тот ответил, мужчина подскочил на ноги, отпихнул мать с детьми в сторону и ворвался в дверь. Кейт это застало совершенно врасплох, но, когда мать и дети увязались за переводчиком, она последовала их примеру.

В хибаре, поделенной на три комнаты, было тесно. Про-

бираясь по ней, Кейт обо что-то споткнулась и едва не упала. В глубине дома она застала переводчика и женщину, споривших с пеной у рта. У ее ног маленькое костлявое дитя было привязано к деревянному подкосу, поддерживающему крышу. Во рту у него был кляп, но Кейт слышала ритмичное причитание, раздающееся изо рта ребенка, который раскачивался вперед-назад, ударяясь головой о подкос.

– Что это?! – схватила Кейт переводчика за руку. – Извольте объяснить, что здесь происходит.

Тот переводил взгляд с Кейт на мать и обратно, оказавшись между своей госпожой и крестьянкой, с каждой секундой тараторившей все громче и истеричнее, как между молотом и наковальней. Изо всех сил стиснув его руку, Кейт рывком поставила его перед собой, и мужчина перешел к объяснениям:

– Она говорит, что она не виновата. Он непослушный ребенок. Не ест свою еду. Не делает, как она говорит. Не играет с детьми. Она говорит, что он даже не отзывается на собственное имя.

Классические симптомы аутизма, все до единого, причем в тяжелой форме. Кейт поглядела на ребенка.

– Она настаивает, что это не ее вина, – добавил переводчик. – Говорит, что держит его дольше, чем другие, но она не может...

– Какие другие?

Поговорив с женщиной нормальным тоном, переводчик

снова повернулся к Кейт:

– За деревней. Там есть место, куда они отводят детей, которые не уважают родителей, которые никогда не слушаются, которые не хотят быть частью семьи.

– Отведите меня туда.

Вытянув из женщины еще какие-то сведения, переводчик указал на дверь – дескать, пора уходить. Женщина его окликнула. Он повернулся к Кейт:

– Она хочет знать, заберем ли мы его.

– Скажите ей, что да, и что пусть отвяжет его, и что мы вернемся.

Переводчик повел Кейт в безлюдный лес к югу от деревни. Потратив целый час, они так ничего и не нашли, но продолжили поиски. Время от времени Кейт слышала шорохи и шелест животных, пробирающихся среди листвы кустов и деревьев. Близился закат, и она уже начала задумываться, каким лес будет в сумерках. Индонезия целиком расположена в тропиках; температура днем и ночью круглый год почти не меняется. Яванские джунгли – опасные, дикие места, пристанище множества видов змей, крупных кошачьих и насекомых. Ребенку в них не место.

Вдруг вдали послышались крики, и переводчик окликнул ее:

– Доктор Уорнер, идите быстрее!

Она очертя голову ринулась через густой лес, один раз споткнувшись и с трудом пробиваясь через подлесок. И уви-

дела, что переводчик держит ребенка – даже более истощенного, чем мальчуган в лачуге. Несмотря на темно-коричневую кожу, было видно, что его лицо перепачкано грязью. Он рвался из рук переводчика, как дикий зверек.

– Другие есть? – спросила Кейт.

Затем она увидела ярдах в пятидесяти навес, обеспечивающий подобие укрытия от непогоды. Может, ребенок прятался там? Кейт устремилась к навесу.

– Не ходите туда, доктор Уорнер, – переводчик ухватил ребенка покрепче. – Там нет других... которых можно забрать. Пожалуйста, помогите мне.

Кейт взяла мальчика за другую руку, и они вместе отвели его к фургонам. Созвали научную команду, потом забрали ребенка, который был привязан к подкосу, заодно узнав, что его зовут Ади. У мальчишки из леса имени не было, и они поняли, что никогда не найдут ни его родителей, ни тех, кто хоть звуком обмолвится о том, как с ним поступили. Кейт нарекла его Сурьей³.

Когда научная команда собралась у фургона, Кейт приперла переводчика к стенке:

– А теперь я хочу, чтобы вы поведали мне, что вы там сделали – что именно сказали.

– Я думал, может, вам лучше не знать, доктор...

– Я думаю, я определенно хочу знать. А теперь выкладывайте.

³ Сурья – в индуизме бог солнца.

Тот тяжело вздохнул.

– Я сказал, что вы из гуманитарной организации, занимающейся благосостоянием детей...

– Что?

Переводчик расправил плечи.

– Они все равно так думают, так что никакой разницы. Они не знают, что такое клинические испытания. Они никогда ни о чем подобном не слыхали. Оглянитесь вокруг; эти люди живут точь-в-точь так же, как тысячу лет назад. Я сказал им, что вы должны посмотреть их детей и поможете каждому ребенку, нуждающемуся в помощи. И все равно они нам не верят. Некоторые считают, что попадут в беду, но многие просто тревожатся, что об этом узнают. Здесь опасно иметь детей с проблемами; их держат подальше от глаз людских. Если весть разойдется, другие дети не смогут жениться – им будут говорить: «Может, у тебя будет ребенок с такой же проблемой, как у брата его отца». Будут говорить: «Одна кровь». Но дети говорят правду, когда я велю им назвать имена своих братьев и сестер. Дети еще не умеют врать об этом.

Кейт обдумала рассказ переводчика. Этот метод определенно работает. Она повернулась к команде:

– Ладно. Таким и будет наш новый подход.

– Я этого не сделаю! – Доктор Хелмс шагнул вперед, заступив дорогу Кейт и переводчику. – Ложь родителям, чтобы записать ребенка на клинические испытания, попирает

основы медицинской этики и попросту безнравственна. – Он выдержал эффектную паузу. – Независимо от их жизненных обстоятельств или социальных норм общества.

И свысока воззрися на Кейт, а затем на остальных членов команды.

– Как вам будет угодно, – прервала Кейт его самолюбование. – Можете подождать в фургоне, как и всякий, кто хочет обречь этих детишек на смерть.

Доктор развернулся к ней, чтобы дать еще залп из всех орудий, но его перебил Бен:

– Что ж, я за. Ненавижу ждать в фургоне. И убивать детей, если уж на то пошло. – Демонстративно повернувшись, он начал собирать снаряжение, прервавшись лишь затем, чтобы попросить помощи у остальных.

Трое других лаборантов неохотно взялись ему помогать, и лишь тогда до Кейт дошло, что все они заняли выжидательную позицию. Она сделала мысленную пометку, что надо поблагодарить Бена, но за свистопляской событий, вскоре пошедших полным ходом, как-то позабыла.

В следующей деревне команда выбросила буклеты, но когда сельчане начали их собирать, буклеты принялись раздавать – в качестве теплоизоляции для их лачуг. Этот акт доброй воли подкрепил байку о благотворительной миссии, и Кейт порадовало, что буклеты, в которые она вложила столько трудов, нашли достойное применение.

Доктор Хелмс продолжал протестовать, но остальные чле-

ны группы его игнорировали. По мере заполнения фургонов детьми его протесты пошли на убыль, и к концу дня стало ясно, что он раскаивается в своих действиях.

По возвращении в Джакарту доктор Хелмс наведалься к Кейт в кабинет, как только все остальные члены команды удалились.

– Послушайте, Кейт, я хотел с вами поговорить. После, гм, некоторых размышлений... и, честно говоря, увидев некоторые из последствий этой работы с... э-э... детьми... должен сказать, что я решил, что мы действуем вполне в рамках норм медицинской этики и моей личной зоны комфорта, и, таким образом, я, ну, вполне спокойно возглавлю эти клинические испытания. – Он вознамерился сесть.

Кейт даже не подняла головы от документов.

– Не утруждайтесь садиться, Джон. Я тоже собиралась вам кое-что поведать. Там, в полевых условиях, вы поставили свою безопасность – свою личную репутацию – превыше жизни этих детей. Это неприемлемо. Нам обоим известно, что я не могу вас уволить. Но я просто не могу работать с вами в клинических испытаниях, где на кону детские жизни. Если с одним из них что-нибудь случится, если вы подвергнете их опасности, я не смогу с этим жить. Я уведомила спонсора испытаний – «Иммари Рисеч» – о своем намерении уйти, и произошла презабавная штука. – Она подняла взгляд. – Они сказали, что без меня испытания финансировать не будут. Так что либо уйдете вы, либо я, и в этом

случае вы лишитесь финансирования, а я просто начну те же испытания под другим названием. Ах да, кстати: перевозчики мебели завтра вывозят всё из вашего кабинета, так что, каким бы ни было ваше решение, вам придется подыскать другое помещение в аренду.

И с этими она покинула кабинет, подведя черту на сегодня. А назавтра Хелмс отряс прах Джакарты со своих ног, и Кейт стала в этом проекте единственным исследователем. Она попросила Мартина сделать пару-тройку телефонных звонков, пойти на какие-то одолжения услуга за услугу – и научно-исследовательская организация стала опекуном всех привлеченных детей.

Когда Кейт закончила свой рассказ, следователь встал и сказал:

– Вы думаете, я должен этому поверить? Мы не дикари, мисс Уорнер. Желаю удачи в рассказе вашей басни перед жюри в Джакарте. – И удалился из комнатухи прежде, чем Кейт успела хотя бы рот открыть.

* * *

А за пределами комнаты для допросов коротышка подошел к дородному шефу полиции. Обняв его потной ручищей, тот поинтересовался:

– Как прошло, Паку?

– Думаю, она готова, босс.

Глава 14

Комната сверхсекретной связи Штаб-квартира отделения «Часовой башни» Джакарта, Индонезия

Глядя из стеклянной комнаты на бетонные стены за ее пределами, Джош старался переварить все, что Дэвид только что поведал ему. «Часовая башня» скомпрометирована. Несколько ведущих ячеек уже сражаются за выживание. Джакартское отделение вот-вот будет атаковано, да сверх того неминуема террористическая атака в глобальных масштабах.

И чтобы остановить ее, Дэвиду требуется, чтобы Джош взломал шифр.

Никакого давления.

Вернувшись от картотечного шкафчика, Дэвид снова сел за стол.

– Я работал над теорией, которую сформулировал десять лет назад, почти сразу после одиннадцатого сентября.

– Ты считаешь, что эта атака связана с «девять-одиннадцать»? – уточнил Джош.

– Да.

– Думаешь, это операция «Аль-Каиды»?

– Не обязательно. Я полагаю, «Аль-Каида» только провела атаки одиннадцатого сентября. И считаю, что на самом деле теракты спланировала, финансировала и получала от них

выгоду другая группировка – глобальная корпорация под названием «Иммари Интернейшнл». По моему мнению, это ширма для различных археологических раскопок, которые «Иммари» проводила в Афганистане и Ираке, и весьма хитроумного хищения. Грабежа.

Джош потупил взгляд. Неужто у Дэвида поехала крыша? Эти теории заговоров типа 11 сентября – кормежка для интернет-форумов, а не для серьезной контрразведывательной деятельности.

Похоже, Дэвид понял причину сомнений Джоша.

– Послушай, я знаю, что это кажется притянутым за уши, но выслушай меня. После одиннадцатого сентября я почти год провалялся в больнице, а затем – в центре реабилитации. У меня была уйма времени на размышления. Многие вещи в этом теракте казались мне бессмысленными. К чему первым делом атаковать Нью-Йорк? Почему бы не ударить по Белому дому, Конгрессу, ЦРУ и АНБ одновременно? Эти четыре крушения самолетов парализовали бы страну, особенно наши оборонные ресурсы. Это повергло бы нас в полнейший хаос. И почему использовали лишь четыре самолета? Уж наверняка они могли обучить больше летчиков. Они могли угнать тем утром тридцать самолетов, если бы просто сели на рейсы в международном аэропорту Даллеса и на рейсы внутренних авиалиний в округе Колумбия, в Балтиморе и, скажем, в Ричмонде. До Атланты рукой подать; Хартсфилд-Джексон – самый оживленный аэропорт на пла-

нете. Кто знает, в тот день они, наверное, могли бы разбить сотню самолетов, прежде чем пассажиры начали бы давать отпор. А они не могли не понимать, что крушение самолетов – одноразовая тактика, так что должны были бы максимизировать удар.

– Интересный вопрос, – кивнул Джош, все еще не избавившись от скепсиса.

– Есть и другие. Зачем наносить удар в тот день, когда наверняка знаешь, что президента в городе нет, что он в начальной школе во Флориде? Ясное дело, цель – лишить нас боеспособности, не стояла: ну да, конечно, удар по Пентагону нанесли, и многие доблестные американцы погибли, но в конечном счете Пентагон и вооруженные силы очень и очень расвирепели – да и вся страна, коли уж на то пошло. После одиннадцатого сентября у Америки разыгрался такой аппетит к войне, какого доселе не бывало. Имел место и еще один поразительный результат – фондовый рынок рухнул, потерпев историческое крушение. Нью-Йорк – финансовая столица мира; удар по ней имеет смысл, если ты хочешь одного: крушения фондовых рынков. Теракты на диво удачно осуществили две вещи: гарантировали развязывание войны – и крахнули фондовый рынок.

– Никогда не рассматривал это в таком аспекте, – заметил Джош.

– Когда торчишь в больнице целый год, днем учась ходить, а по ночам снова и снова задаваясь вопросом, поче-

му все выглядит совершенно иначе... Проводить какие-либо исследования по терроризму на больничной койке я не мог, так что сфокусировался на финансовом аспекте. Начал выяснять, кто больше всех выиграл от финансового коллапса. Кто ставил против американских акций. Какие компании шортили рынок, кому принадлежали пут-опционы, кто нажил состояние. Список получился длинный. Потом я начал смотреть, кому на руку войны, особенно из числа частных подрядчиков в сфере безопасности, а также заинтересованных в нефтегазовой отрасли. Список стал короче. Помимо прочего, меня интриговала еще одна вещь: эти теракты практически гарантировали войну в Афганистане. Может, там находилось то, чего хотелось этой группировке, и требовался предлог, чтобы отправиться туда и поискать это. А может, в Ираке. А может, и там, и там. Я понимал, что должен выйти в поле, чтобы найти реальные ответы.

Переведя дыхание, Дэвид продолжал:

– К две тысячи четвертому году я снова встал на ноги. В тот же год подал заявление в ЦРУ, но получил отказ. Потренировавшись еще годик, в пятом году был отвергнут снова и потренировался еще. Подумывал завербоваться в армию, но понимал, что получить настоящие ответы смогу лишь в том случае, если буду причастен к тайным операциям.

Не поднимая головы, Джош обдумывал услышанное, увидев Дэвида в совершенно новом свете. Он с самого начала считал начальника своего отделения таким непобедимым

суперсолдатом и думал, что таким Дэвид был всегда. Мысль о том, что тот пролежал изувеченным на больничной койке целый год, что его *забраковали* как полевого сотрудника – причем дважды, – слегка выбила его из колеи.

– Что? – осведомился Дэвид.

– Ничего... просто... я думал, ты профессиональный оперативник. Что одиннадцатого сентября ты уже работал в Конторе.

По губам Дэвида скользнула улыбка, словно это его позабавило.

– Нет, даже рядом не стоял. Вообще-то я был аспирантом. В Колумбийском, хочешь верь, хочешь не верь. Может, потому-то ЦРУ упорно отвергало меня – не хотело избытка мозгов в полевых подразделениях. Но, очевидно, бог троицу любит, и в шестом году меня таки взяли. Может, потеряли многовато оперативников, а может, многовато перешли в частные компании; в чем бы ни состояла причина, но я обрадовался назначению в Афганистан. Я нашел свои ответы. Все три компании из моего короткого списка оказались дочерними одной – «Иммари Интернейшнл». Их деятельность координировало подразделение безопасности «Иммари Секьюрити», но средства от одиннадцатого сентября разошлись по нескольким их компаниям-ширмам. И я выяснил кое-что еще. План новой атаки под кодовым названием «Протокол Тоба», – Дэвид указал на папку. – Это досье – все, что у меня есть по этой атаке. Всего ничего.

Джош открыл папку.

– Так ты поэтому вступил в «Часовую башню» – чтобы распатронить «Иммари» и «Протокол Тоба»?

– Отчасти. «Часовая башня» для меня – идеальная платформа. Я еще тогда знал, что за одиннадцатым сентября стоит «Иммари», что они заработали на теракте целое состояние и активно разыскивают что-то в горах Восточного Афганистана и Пакистана. Но они достали меня прежде, чем я успел составить представление о ситуации в целом. В Северном Пакистане меня едва не прикончили. Меня официально внесли в списки погибших в бою. Возможность уйти была идеальная. Мне требовалась новая легенда и место, чтобы продолжить работу. О «Часовой башне» я даже не слышал, пока не оказался на театре военных действий в Афганистане, но здесь я нашел убежище. Оно просто идеально. Все мы приходим в «Часовую башню» по собственным основаниям; в то время это было ключевым фактором моего выживания и инструментом, необходимым мне, чтобы наконец узнать правду об «Иммари» и «Тобе». О своих истинных мотивах я никому и словом не обмолвился, кроме директора. Он принял меня и помог организовать Джакартское отделение четыре года назад. Особого прогресса в вопросе «Иммари» я не добился, пока источник не связался со мной неделю назад.

– И как раз поэтому источник выбрал тебя.

– Очевидно. Ему известно о моем расследовании. Он

знал, что у меня должно иметься это досье. Оно может содержать ключ к расшифровке кода. Мне точно известно, что корпорация «Иммари» имеет какое-то отношение к «девятнадцать-одиннадцать», а может, и к другим терактам, совершенным до и после того, и что она заваривает нечто несоизмеримо большее – «Протокол Тоба». Вот почему я выбрал Джакарту – город, расположенный к горе Тоба ближе всех. По моему, это намек на то, где атака начнется.

– Логичное умозаключение. Что нам известно о «Протоколе Тоба»? – поинтересовался Джош.

– Немного. Помимо нескольких упоминаний, есть один письменный документ о нем. Это доклад об урбанизации, транспортной инфраструктуре и возможном сокращении глобального народонаселения. Что бы ни представляла собой «Тоба», полагаю, это и есть цель – резко снизить человеческое народонаселение.

– Это несколько сужает круг возможностей. Террористическая атака, способная уменьшить население планеты, должна быть биологической; может, радикальные изменения в окружающей среде или разжигание новой мировой войны. Речь идет не о террористах-смертниках, тут нечто большее.

– Куда большее, – кивнул Дэвид, – и, вероятно, такое, чего мы нипочем не ожидаем. Джакарта – идеальное место для начала этой атаки: плотность населения высокая и экспатриантов пруд пруди. Стоит атаке начаться, и богатые иностранцы устремятся из Джакарты в аэропорт, а оттуда – почти во

все страны мира.

– Компьютеры у тебя за спиной, – он указал на ряд дисплеев позади Джоша. – Подключены к Централи, к нашим собственным серверам и к остальным ячейкам. В них содержится все, что мы знаем о событиях по всему миру, о различных террористических группировках и организациях, как нам известно, служащих ширмой «Иммари Интернейшнл». Это немного. Начни оттуда, набирай обороты, а потом быстренько переходи к свежайшим местным разведанным. Если что-то происходит у нас в Джакарте, мы обязаны расследовать это в первую очередь. Нам нужно передать все, что нам известно, на случай, если Джакартское отделение падет. Отбрось стереотипы, мысли неортодоксально. В рамки нормы происходящее наверняка не укладывается. Высматривай все, что на первый взгляд не вызывает подозрений, – наподобие саудовских граждан, берущих уроки лётного дела в Германии, а затем переезжающих в США; наподобие человека, покупающего где-нибудь в Оклахоме тонны удобрений, не имея к земледелию ни малейшего отношения.

– А что в остальных папках? – спросил Джош.

– Эта, – пододвинул Дэвид папку через стол, – содержит остальные сведения об «Иммари», которые я собрал до приема в «Часовую башню».

– Этого в компьютере нет?

– Нет. «Часовой башне» я их тоже не передавал. Увидишь почему. В другом конверте лежит письмо – от меня к тебе.

Ты должен будешь вскрыть его в случае моей смерти. Оно предоставит тебе инструкции.

Джош хотел было что-то сказать, но Дэвид перебил его:
– И последнее.

Встав, он принес небольшой чемоданчик, стоявший в углу комнаты, и положил его на стол.

– Эта комната и внешняя камера обеспечат тебе некоторую защиту и, надеюсь, достаточно времени, чтобы выяснить что-нибудь и расшифровать послание. Штаб-квартира «Часовой башни» – последнее место, где тебя будут искать. Тем не менее сомневаюсь, что времени у нас так уж много. Перешли все, что выяснишь, на мой мобильник. Верхний правый монитор показывает сигнал с камеры. Это камера над дверью, выходящей в серверную, так что ты будешь знать, если кто-нибудь попытается сюда проникнуть. Как тебе известно, в основных помещениях штаб-квартиры камер наблюдения по соображениям безопасности нет, так что особого упреждения у тебя не будет. – Открыв чемоданчик, он извлек пистолет, вогнал магазин в рукоятку и положил оружие на стол перед Джошем. – Умеешь этим пользоваться?

Поглядев на пистолет, аналитик откинулся на спинку стула.

– Э-э, да. Вообще говоря, поступив в Контору двенадцать лет назад, я прошел курс базового обучения, но с тех пор оружием не пользовался. Так что... нет, вообще-то нет.

Он хотел спросить: «Если в эту комнату ворвутся опера,

какие ж тут у меня могут быть шансы?» – но не стал, понимая, что Дэвид показал пистолет, чтобы внушить ему уверенность. Чтобы иметь ясный ум и сделать свою работу, нужно избавиться от страха, но Джош догадывался, что это лишь часть мотивов шефа.

– Если понадобится им воспользоваться, оттяни затвор назад – это дошлет патрон в патронник. Когда все расстреляешь, нажми здесь – магазин выскочит. Вставишь другой и нажмешь на эту кнопку – затвор вернется, досылая первый патрон из нового магазина. Но если дверь будет взломана, ты должен сделать кое-что до того, как пускать в ход пистолет.

– Стереть память компьютеров?

– Именно. И сжечь эту папку вместе с письмом. – Указав на металлическую корзинку для мусора, Дэвид вручил ему небольшую бутановую горелку, лежавшую в футляре вместе с пистолетом.

– Что там еще в ящичке? – Джош полагал, что знает, но все равно спросил.

Помедлив секунду-другую, начальник Джакартского отделения достал из футляра крохотную капсулу.

– Надо проглотить?

– Нет. Если момент придет, просто раскуси. Цианид работает довольно быстро – секунды три-четыре. – Дэвид отдал капсулу Джошу. – Держи ее при себе. Надеюсь, она тебе не понадобится. Пробриться в эту комнату очень трудно.

Дэвид положил пистолет обратно в футляр.

– Дай мне знать, как только что-нибудь раскопаешь, – повернулся и направился к двери.

– Что ты собираешься делать? – поинтересовался Джош, вставая.

– Выиграть немного времени.

Глава 15

Комната для допросов «С»

Следственный изолятор полиции Западной Джакарты
Джакарта, Индонезия

Дверь комнаты для допросов снова открылась. Подняв голову, Кейт увидела на пороге потного толстяка. Неся папку в одной руке, вторую он протягивал ей для пожатия.

– Доктор Уорнер, я шеф полиции Эдди Куснади. Наде...

– Я прождала здесь не один час. Ваши люди выпытывали у меня бесполезные подробности моих клинических испытаний, грозя засадить меня за решетку. Я хочу знать, что вы предприняли, чтобы разыскать этих похищенных детей.

– Доктор, вы не понимаете нашу здешнюю ситуацию. У нас маленький департамент.

– Тогда звоните в национальную полицию. Или...

– У национальной полиции есть свои проблемы, доктор, и поиска недоразвитых детей в их числе нет.

– Не называйте их недоразвитыми!

– Они не недоразвитые? – Он взмахом руки распахнул папку. – Наши записи говорят, что ваша клиника испытывает новое лекарство для умственно отсталых...

– Они не умственно отсталые. Их мозг функционирует не так, как у других людей. Как, к примеру, метаболизм моего

организма не такой, как у вашего.

Корпулентный шеф окинул взглядом свои телеса, словно пытаясь высмотреть свой метаболизм, чтобы изучить его и сравнить с метаболизмом Кейт.

– Либо приступайте к поискам этих детей, либо отпустите меня, чтобы я сама этим занялась.

– Мы не можем вас отпустить, – заявил Куснади.

– Почему нет?

– Мы не исключили вас из числа подозреваемых.

– Это абсурд...

– Знаю, доктор, знаю, верьте мне. Но что вы хотите от меня? Я не могу говорить моим следователям, кто подозреваемый, а кто нет. Это было бы неправильно. Однако я убедил их держать вас в этой камере содержания. Они настаивали, чтобы я перевел вас в зону общего содержания. Она совместная и, боюсь, нехорошо наблюдаемая. – Выдержав паузу, он снова открыл папку. – Но я думаю, я могу хотя бы задержать это на время. А покамест у меня имеются для вас мои собственные вопросы. Наши записи говорят, что вы купили кондоминиум здесь, в Джакарте. Заплатили наличными эквивалент семьсот тысяч американских долларов. – Поднял глаза на нее, но, не дождавшись в ответ ни слова, продолжал: – Наш банковский контакт говорит, вы держите чековый счет со средним балансом в триста тысяч эквивалента американских долларов. Этот счет получает периодические переводы из банка на Каймановых островах.

– Мой банковский счет тут совершенно ни при чем.

– Я уверен, так оно и есть. Но вы можете видеть, как это выглядит для моих следователей. Как вы получили так много деньги, если разрешите спросить?

– Унаследовала.

Приподняв брови, шеф так и просветлел.

– А-а, от ваших прародителей?

– Нет, от своего отца. Слушайте, мы попусту теряем время.

– Что он делал?

– Кто?

– Ваш отец.

– По-моему, занимался банковским делом или инвестициями. Не знаю, я была совсем маленькая.

– Понимаю, – кивнул шеф. – Я полагаю, мы можем помочь друг другу, доктор. Мы можем убедить моих следователей, что вы не замешаны в похищении детей и дадите моему департаменту средства, в которых он отчаянно нуждается, чтобы найти этих недо... э... беспомощных детей.

Кейт уставилась на него. Теперь все начало обретать смысл.

– Я слушаю.

– Я вам верю, доктор Уорнер. Но, как я говорю, мои следователи, они смотрят на улики, и они знают, что подумает жюри, и между нами, доктор Уорнер, я думаю, может быть, они чуточку не любят иностранцев, может быть, особенно

американцев. Я полагаю, единственный способ по-настоящему гарантировать вашу безопасность и получить то, что мы оба хотим, – это найти этих детей. Это очистит ваше имя.

– Так чего же вы ждете?

– Как я сказал прежде, доктор Уорнер, мы маленький департамент. Найти этих детей... Мне бы потребовалось больше ресурсов, людей за пределами моего департамента. Но, как мне ни прискорбно сообщить, подобное следствие стоило бы дорого, наверное, два миллиона долларов. Э-э, американских долларов. Но если я выпрошу некоторые одолжения, я думаю, мы можем обойтись один целый пять десятых миллиона. Но время имеет существенную важность, мой дорогой доктор. Дети уже могут быть где угодно. Я могу только надеяться, что они еще живы.

– Одна целая пять десятых миллиона долларов.

Шеф кивнул.

– Вы их получите. Но сперва отпустите меня.

– Я бы ничего не хотел больше этого, доктор, поверьте мне. Но обещания, данные подозреваемыми в комнате для допросов... – Он воздел руки горе.

– Отлично, дайте мне телефон и реквизиты вашего... банковского счета. И достаньте мне машину.

– Сию секунду, доктор.

Улыбнувшись, он встал и удалился, оставив Кейт в комнате для допросов в одиночестве. Она снова села за стол, поставив одну ногу на сиденье, и пятерней провела по своим

белокурым волосам. Женщина, отразившаяся в зеркальной стене напротив, ничуть не походила на ту полную надежд научную сотрудницу, приехавшую в Джакарту четыре года назад.

* * *

Шеф закрыл дверь комнаты для допросов. Полтора миллиона! Он сможет уйти в отставку. Вся его семья бросит работу. Полтора миллиона... Смог бы он выудить больше – скажем, два или два с половиной? Три миллиона? Может, у нее есть больше. Намного больше. На полтора она согласилась, глазом не моргнув. Может, вернуться и сказать, что надо нанять больше людей? Это будет стоить четыре миллиона. Он бы согласился и на двести пятьдесят тысяч; рассчитывал на меньшее. Остановившись перед комнатой для допросов, шеф ломал голову, как быть.

Сразу же он обратно не пойдет. Можно размягчить ее еще больше. Пару часиков в вытрезвителе с выключенными камерами. Тут надо проявлять осмотрительность – негоже, чтобы она сразу после этого ринулась в посольство США, – но если действовать аккуратно, можно сделать реальные деньги прямо сегодня.

Глава 16

Комната сверхсекретной связи

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

Джош бросил взгляд на красные точки на координатном дисплее. В течение часа со времени ухода Дэвида двадцать четыре красные точки, обозначающие всех полевых сотрудников Джакартского отделения, передвигались от штаб-квартиры отделения к различным местам по всему городу. Теперь карта показывала четыре группы по шесть точек в каждой.

Три из пунктов назначения Джош хорошо знал – это конспиративные квартиры Джакартского отделения. Должно быть, восемнадцать агентов в этих пунктах значатся в списке подозреваемых Дэвида. Точки на конспиративных квартирах медленно перемещались туда-сюда, поворачивая обратно, когда доходили до стен, ограничивающих передвижения, будто осужденные, выхаживающие по камерам в ожидании свершения своей участи.

Стратегия вполне обоснованная: Дэвид разделил потенциально враждебные силы, попутно выиграв время на обнаружение их приближения, если они вздумают перейти в наступление. *Когда* решат перейти в наступление. Вид этих то-

чек на карте внушал Джошу какой-то подспудный ужас, делая угрозу реальной. Это уже происходит. Сражение за Джакартское отделение – лишь вопрос времени. В какой-то момент точки вырвутся из конспиративных квартир, обрушатся на группу Дэвида из шестерых бойцов, а затем устремятся обратно в штаб, чтобы позаботиться о Джоше.

Дэвид просто выиграл время. Время, позволяющее Джошу просеять актуальные местные разведданные и поработать над шифром – словом, выяснить хоть что-нибудь. А он сомневается, что справится.

Джош снова просмотрел спутниковое видео. Это все, что есть в его распоряжении. Что, если он заблуждается?

Он прочесал волосы пятерней. Это определенно выходит за рамки. Но если это ерунда...

Разведывательная деятельность зачастую сводится к инстинкту. Фургон, вся эта операция – что-то в них не то.

Набрав номер Дэвида, он сообщил:

– По-моему, есть кое-что.

– Выкладывай, – отозвался тот.

– Похищение двоих детей из медицинской клиники. Сообщение поступило в джакартский департамент полиции несколько часов назад. «Часовая башня» классифицировала это как низкоприоритетный местный инцидент. Но фургон – легкий коммерческий автомобиль, зарегистрированный на базирующуюся в Гонконге липовую корпорацию, известную, как ширма «Иммари». И, откровенно говоря, это не похо-

же на местных; похищение было проведено профессионально. В обычных обстоятельствах мы отнесли бы это в разряд похищений ради выкупа, но «Иммари» не станет марать руки ради такой мелочи. Я продолжаю копать, но на девяносто девять процентов уверен, что это операция «Иммари», причем высокоприоритетная, учитывая, насколько в открытую она проведена – умыкнули детей среди бела дня, да еще и на фургоне, который мы наверняка отследим... Не понимать этого они не могли. Это означает, что и ждать они тоже не могли.

– И что же отсюда следует?

– Пока толком не знаю. Странность в том, что клинику вроде бы финансирует очередная «дочка» «Иммари» – «Иммари Рисеч». Деньги на строительство и покрытие ежемесячных расходов выплачивал базирующийся в Джакарте холдинг корпорации – «Иммари Джакарта». В твоём досье есть несколько ссылок на него. История компании уходит в прошлое почти на двести лет. В эпоху колониализма она была «дочкой» Голландской Ост-Индской компании. Возможно, она – крупнейший оперативный центр «Иммари» в Юго-Восточной Азии.

– Бессмыслица какая-то. Зачем одно подразделение «Иммари» похищает детей у другого? Может, внутренние распри? Что нам известно о штате клиники?

– Немногое. Их можно по пальцам перечесть. Парочка лаборантов, один из них в ходе инцидента убит. Сменный штат

няnek для детей. По большей части местные, не имеющие к происшествию никакого отношения. А ведущий исследователь, – Джош пододвинул личное дела доктора Катерины Уорнер, – была там во время инцидента и, возможно, выведена из строя. Свыше часа оттуда никто не выходил. Сейчас местная полиция держит ее в одном из джакартских участков.

– Они забили межведомственную тревогу по поводу пропажи детей?

– Нет.

– Какие-либо публичные ориентировки?

– Не-а. Но у меня есть гипотеза. У нас есть источник в полиции Западной Джакарты. Пятнадцать минут назад он передал рапорт, утверждающий, что шеф полиции вымогает деньги у американской гражданки. Как я понимаю, это и есть доктор Уорнер.

– Гмм. А чем занимается клиника?

– Вообще-то это научно-исследовательское учреждение. Генетические исследования. Они проверяют новые методы терапии детей, страдающих аутизмом, прежде всего с нарушениями развития.

– Как-то не очень похоже на международный терроризм.

– Согласен.

– И какова же у нас рабочая гипотеза? Что мы ищем?

– Честно говоря, понятия не имею. Я не слишком углублялся в дебри, но в глаза бросается одно: патентов пока не подавали.

– Почему же это настолько важно? Думаешь, они не занимаются исследованиями?

– Нет, я весьма уверен, что занимаются, исходя хотя бы из того, какое оборудование они импортировали и как все обустроили. Но это не ради денег. Если бы они хотели коммерциализировать то, что испытывают, то первым делом подали бы на патент. Это стандартная процедура для клинических испытаний. Создаешь вещество в лаборатории, патентуешь его, затем испытываешь. Патент призван помешать конкурентам похитить испытываемый образец и запатентовать его первыми, тем самым убрав тебя с рынка. Без патента испытывают только то, что хотят утаить от мира. И Джакарта – самое подходящее место для этого. Испытания, проводимые в США хоть с одним пациентом, по закону должны быть заявлены в Управление по контролю над пищевыми продуктами и лекарственными средствами с описанием проверяемой терапии.

– Значит, они разрабатывают биологическое оружие?

– Возможно. Но до сегодняшнего дня никаких инцидентов в клинике не было. Они не регистрировали никаких смертных случаев, так что если и испытывают что-то на детях, то это самое неэффективное биологическое оружие всех времен. Исходя из того, что я вижу, исследования вполне легитимны. Да притом проводятся из лучших побуждений. Фактически говоря, если они добьются поставленной цели, это станет грандиозным революционным скачком в медици-

не.

– Что также является отличным прикрытием. Но вопрос, зачем красть у самих себя, остается. Если «Иммари» финансирует клинику и управляет ею, зачем нужно посылать собственных людей красть этих детей? Может, у исследовательницы сердце в пятки ушло из-за оружия, которое они создают? – предположил Дэвид.

– Не исключено.

– Располагает ли источник в джакартской полиции полномочиями, чтобы отпустить доктора?

– Нет, очевидно, он сидит на тотемном столбе низковато.

– У нас есть досье на шефа?

– Минуточку, – Джош провел поиск по базе данных «Часовой башни», и как только данные на шефа появились, откинулся на спинку стула. – Ага, есть досье... Ничего себе!

– Зашли его мне в мобильный командный пункт. Ты прошерстил уже все местные данные?

– Ага, на поверхность всплыло только это. Но есть и кое-что еще. – Джош терзался сомнениями, упоминать ли об этом, но, как и в видео похищения, в этом ощущался какой-то подвох. – Ни одна другая ячейка не доложила о нападении, и Централь не публиковала никаких коммюнике. В новостях тоже ничего – ни слова с момента боестолкновений в Карачи, Кейптауне и Мар-дель-Плате. Все ячейки спокойны, передают обычные рапорты как ни в чем не бывало.

– Предположения? – осведомился Дэвид.

– Две возможности: либо они чего-то выжидают – скажем, нашего следующего хода, либо...

– Остальные ячейки пали без боя.

– Ага. Может статься, мы последняя крупная ячейка, – подтвердил Джош.

– Давай-ка ты поработай над шифром – и как можно быстрее.

Глава 17

Научно-исследовательский комплекс корпорации «Иммари»

Окрестности Буранга, Китай
Тибетский автономный район

Перед началом видеоконференции доктор Шэнь Чанг попытался избавиться от напряжения.

Когда собеседник появился на экране, Чанг, сглотнув ком в горле, проговорил:

– Руководитель проекта приказал мне связаться с вами, доктор Грей. Мы следовали протоколу и предписанным исследованиям до буквы... Я не знаю, что...

– Ничуть не сомневаюсь, доктор Чанг. Но результат весьма удивителен. Почему выжили дети, а взрослые нет?

– Мы пока не знаем. Мы провели тесты на детях. Они демонстрируют устойчивую активацию гена Атлантиды.

– Возможно, терапия на взрослых не работает?

– Да, возможно. Терапия осуществляется ретровирусом, внедряющим ген в генетический код субъекта. Это незначительное генетическое изменение, но оно обладает каскадным эффектом на эпигенетическом уровне, включая и выключая ряды других, уже имеющихся генов носителя. Никаких физиологических последствий – во всяком случае, поддающихся

ся обнаружению, – но наблюдаются обширные изменения в мозге. Ген, по сути, перезаписывает мозг субъекта. Нейропластичность, способность мозга перестраиваться или адаптироваться с возрастом снижается – именно поэтому в зрелом возрасте трудно научиться чему-то новому. Мы исследовали идею, что взрослые не реагируют на терапию, потому что активация гена не может запустить изменения в мозгу – на самом деле вирус генетической терапии пытается переконмутировать мозг, но его «печатные платы» уже запаяны крепко-накрепко. Вскоре по окончании детского возраста.

– Быть может, у взрослых субъектов не было предковых генов, запускающих изменения в мозге?

– Нет, все взрослые субъекты каскадными генами обладали. Как вам известно, мы знаем об этих генах уже в течение некоторого времени, и в своем рекрутинговом учреждении в Китае проверяли каждого субъекта. Взрослые должны были пережить тест.

– Быть может, эта терапия работает только на мозгах, страдающих аутизмом?

Эту возможность Чанг не рассматривал. Доктор Грей – биолог-эволюционист, проявляющий интерес к палеобиологии, и он начальник начальника Чанга, оседлавший вершину пищевой пирамиды «Иммари». Чанг не предполагал, что этот разговор будет фокусироваться на науке, ожидая от этого супербосса разноса за провал, и с радостью ухватился за возможность поговорить о гипотезе Грея.

– Да, это определенно возможно. Аутизм, по существу, является нарушением мозговых связей, особенно в областях, управляющих общением и взаимопониманием. Затронуты и другие области. Некоторые из пораженных им индивидуумов имеют мощный интеллект и особые способности; другие находятся на совершенно противоположном конце спектра – даже не в состоянии самостоятельно выжить. На самом деле аутизм – всеохватная категория, включающая в себя разнообразнейшие нарушения мозговых связей. Нам надо это рассмотреть, и потребуются какое-то время. Вероятно, понадобятся новые подопытные.

– Времени у нас нет, но добыть еще детей мы, пожалуй, сумеем. Хотя эти субъекты – единственные из известных нам с активированным геном Атлантиды. Предоставьте позаботиться об этом мне. Есть еще что-нибудь, чего вы не сказали? Какие-нибудь другие гипотезы? На данном этапе плохих идей нет, доктор Чанг.

У Чанга была другая идея, хотя озвучивать ее перед остальной командой он не стал.

– Я лично не уверен, что взрослые и дети прошли одну и ту же терапию.

– Проблемы с воспроизведением методики доктора Уорнер?

– Нет. Как я сказал, мы следовали ее протоколу буквально, на этом я настаиваю. Я вот все думаю, может, доктор Уорнер... подвергла этих детей воздействию чего-то другого,

чего-то, не попавшего в ее официальные записи или протокол испытаний.

Грей явно призадумался над идеей Чанга.

– Очень интересно.

– Нельзя ли переговорить с доктором Уорнер?

– Не уверен... давайте я свяжусь с вами по этому поводу позже. Высказывал ли эту озабоченность кто-либо еще из членов команды?

– Насколько мне известно, нет.

– Я бы хотел, чтобы покамест вы придержали свои подозрения по поводу доктора Уорнер при себе и с любыми новостями связывались непосредственно со мной. Надо придерживаться это под спудом. Я уведомяю руководителя проекта, что вы работаете непосредственно со мной. Он будет поддерживать ваши действия, не задавая лишних вопросов.

– Понимаю, – кивнул доктор Чанг, хотя на самом деле ничего не понял. Этот разговор породил целый ряд вопросов, и теперь он был уверен лишь в одном: они применили неправильную терапию.

Глава 18

Следственный изолятор полиции Западной Джакарты
Джакарта, Индонезия

Шеф Куснади хотел было навеститься в комнату для допросов, когда путь ему преградил какой-то человек – то ли американец, то ли европеец, определенно какой-то военный. Уж такая конституция... и взгляд.

– Вы кто будете? – спросил его Куснади.

– Это неважно. Я приехал забрать доктора Катерину Уорнер.

– Ах, забавный человек! Скажите мне, кто вы, пока я не бросил вас в камеру.

Тот вручил ему плотный конверт, бросив:

– Гляньте. Вряд ли вы тут увидите что-нибудь новое для себя.

Вскрыв конверт, шеф полиции посмотрел первые несколько снимков. И не мог поверить собственным глазам. Как?! Как они?..

– Если вы не выпустите ее сию же минуту, то увидите это далеко не в последний раз.

– Я хочу оригиналы.

– А что, разве это похоже на переговоры? Выпускайте ее на свободу, или моя организация выпустит на свободу содер-

жимое этого конверта.

Взгляд Куснади потупился, потом метнулся из стороны в сторону, как у загнанного в угол зверя, решающего, куда бежать.

– И просто на случай, если вы подумываете, не швырнуть ли меня за решетку, то если я не позвоню своим людям через три минуты, они выпустят это досье по-любому. Теперь вы работаете на меня. Хотите вы быть шефом полиции или нет?

Куснади задумался. Окинул взглядом департамент. Кто мог такое сделать?

– Время вышло, – пришелец повернулся, чтобы уйти.

– Подождите! – Шеф полиции открыл дверь комнаты для допросов и жестом пригласил женщину выйти. – Этот человек вас отведет.

Женщина замешкалась на пороге, бросив взгляд на Куснади, прежде чем оглядеть военного с головы до ног.

– Все в порядке, вас берет этот человек.

Обхватив ее за талию, тот сказал:

– Следуйте за мной, доктор Уорнер. Мы уходим отсюда.

Куснади оставалось лишь смотреть, как они выходят из участка.

* * *

За стенами полицейского участка Кейт остановилась, обернувшись к своему спасителю. Одет в черный бронежи-

лет и смутно походит на человека, похитившего ее детей. Равно как его люди – теперь она их заметила, – целых пятеро, стоят перед большим черным пикапом, вроде курьерского пикапа-переростка, и черным же внедорожником с тонированными стеклами.

– Кто вы? Я хочу знать...

– Подождите секундочку, – остановил он ее.

Подойдя к следователю-недомерку, обвинявшему Кейт в покупке детей, военный отдал ему папку и сказал:

– Я слышал, вас ждет повышение.

– Я только делаю, что велено, – пожав плечами, робко отозвался тот.

– Ваш оперативный сотрудник резидентуры говорит, что вы надежный источник. Если вы достаточно умны, чтобы сообразить, как поступить с этим, может быть, из вас получится шеф полиции получше прежнего.

– Как прикажете, босс, – кивнул следователь.

Вернувшись к Кейт, военный указал на большой черный курьерский фургон.

– Будьте добры, сядьте в фургон.

– Никуда я не пойду, пока вы не поведаете мне, кто вы и что происходит.

– Я вам объясню, но прямо сейчас нам надо доставить вас в безопасное место.

– Нет, вы...

– Вот вам намек. Хорошие ребята приглашают вас сесть в

фургон. Плохие надевают вам черный мешок на голову и зашвыривают в фургон. Я прошу. Смотрите сами, можете остаться здесь или ехать со мной. Вам решать.

Направившись к фургону, он распахнул двустворчатые задние двери.

– Подождите! Я еду.

Глава 19

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Пока штат отделения тянулся в главный конференц-зал, глава оперативного отдела джакартской «Часовой башни» Винсент Тареа массировал мышцы рук. Руки и ноги до сих пор болели после нападения двух полоумных в клинике и брыканий этих диких детей. А дальше вообще все покати-лось под откос. Но он способен вернуть все на свои рель-сы. Надо только убедить пару-тройку ребят из джакартской братии поддержать атаку; остальные уже и так на зарплате у «Иммари».

Тареа поднял руки, призывая собрание к тишине. Собрал-ся уже весь штаб «Часовой башни» – все аналитики, все опе-ративные сотрудники резидентуры и все полевые сотрудни-ки; не хватает только Дэвида Вэйла и пятерых оперов из его команды. Глава отдела анализа Джош Коэн тоже в отлучке, но его они скоро разыщут. Большие экраны на стенах кон-ференц-зала показывают три битком набитые комнаты, где томятся полевые сотрудники, загнанные в конспиративные квартиры в разных районах города.

– Лады, народ, слушай сюда. Всем я доступен по видео-связи?

Головы закивали в ответ, послышались «ага» и «достоупен».

– По-простому такое и не скажешь, но я скажу напрямиком: «Часовая башня» скомпрометирована.

Упади в этот миг в зале булавка – и звон ее показался бы оглушительным.

– И мы атакованы. Ранее сегодня я получил донесения, что несколько ячеек, включая Кейптаун, Мар-дель-Плату и Карачи, были полностью уничтожены. Несколько других отделений сражаются не на жизнь, а на смерть, пока мы тут болтаем.

Собравшиеся начали перешептываться. Некоторые стали выкрикивать вопросы.

– Погодите, народ. Дальше хуже. Боюсь, враг, с которым мы сражаемся, в наших собственных рядах. Вот что нам известно на данный момент: несколько дней назад Дэвид Вэйл вкуче с несколькими другими начальниками отделений организовал встречу всех главных аналитиков. Это явное попрание протокола. Мы полагаем, что они сообщили аналитикам о существовании якобы какой-то новой угрозы. Теперь нам известно, что более половины аналитиков с этой конференции не вернулись. Весь этот цирк оказался массовой казнью, как мы полагаем, призванной парализовать наш анализ разведывательной информации накануне этой массивной атаки. Аналитики, вернувшиеся в свои ячейки, сейчас активно работают против «Часовой башни».

Тареа оглядел лица, полные сомнения, по всему залу.

– Слушайте, я знаю, что в это трудно поверить, и, как и вы, не хочу верить этому. Правду говоря, я и не верил – до сегодняшнего утра, когда Дэвид рассеял наших полевых сотрудников по всему городу. Вдумайтесь: он разгоняет нас, чтобы мы не смогли противостоять нападению. Он готовит захват Джакартского отделения. Это лишь вопрос времени.

– Зачем? – сказал кто-то.

– Он на такое не способен! – подхватил другой.

– Я задавал тот же вопрос, говорил те же слова, – не спасовал Тареа. – Он сам меня завербовал, я служил с ним, я знаю его. Но многое о Дэвиде Вэйле нам неизвестно. Мы все пришли в «Часовую башню» по собственным причинам. Как мы смогли установить, Дэвид серьезно пострадал во время атак одиннадцатого сентября. Я этого не знал до сегодняшнего дня. С той поры он носитя с теорией заговора насчет «девять-одиннадцать», какими-то безумными идеями насчет того, что военные подрядчики подстрекали к атаке ради собственной выгоды. Может, он даже сам стал жертвой лжи. Кто-то мог его использовать. Так или иначе, он болен, он переметнулся. И вовлек в заговор уйму других людей. Мы считаем, что Джош Коэн вернулся с конференции аналитиков и работает с шефом.

Все примолкли, переваривая новости.

– А что за операция? Чтобы захватить его? – поинтересовался с видеозэкрана боец с одной из конспиративных квар-

тир.

– Это может оказаться невозможно. Он будет биться до последнего. Приоритет – минимизировать сопутствующий ущерб. И нам помогут. «Иммари Секьюрити» предложила одолжить своих людей. Им известно о ситуации, и они хотят локализовать ее не меньше нашего. Похоже, мишенью своей вендетты Дэвид избрал «Иммари». Нам известно, что он захватил в плен ученую, работающую над проектом, финансируемым «Иммари». Она может быть соучастницей заговора – или же являться жертвой его планов, мы пока не знаем. План заключается в том, что нужно вернуть эту женщину – доктора Катерину Уорнер – и нейтрализовать шефа.

Глава 20

Комната сверхсекретной связи
Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Джош в тревоге ждал, когда же выяснится, правильна ли его гипотеза по поводу зашифрованного сообщения, которое передал ему Дэвид. Это была лучшая из идей Джоша. А вообще-то, единственная.

Он старался не пялиться на главный дисплей на длинной стене стеклянной комнаты. В течение последних тридцати минут экран сообщал одно и то же:

Поиск...

Джош бросил взгляд на два экрана рядом, показывающие видеотрансляцию от наружной двери и карту города с двадцатью четырьмя красными точками, обозначающими полевых сотрудников джакартской «Часовой башни». Он даже не знал, какой экран нервирует его больше других. С равным успехом они могли бы быть цифровыми табло, отсчитывающими секунды, оставшиеся до его смерти и некой ужасающей, неведомой катастрофы... А главный экран по-прежнему сообщал просто «Поиск...».

Неужто поиск может отнимать столько времени? Что, ес-

ли он теряет время попусту?

Но этим его поводы для тревоги не исчерпывались. Джош бросил взгляд на полевой чемоданчик, оставленный Дэвидом на столе. Встав, он схватил чемоданчик, но, когда поднимал его, нижняя крышка отвалилась. Пистолет и ампулы с цианидом вывалились на стол, нарушив тишину стуком и дребезгом. Этот звук перекатывался по комнате, казалось, часами. Наконец Джош схватил пистолет и две ампулы. Руки его тряслись.

Гудок, донесшийся от стены, отвлек его от переживаний. Большой дисплей сообщал:

5 результатов.

Пять результатов!

Усевшись за стол, Джош начал манипулировать беспроводной клавиатурой и мышью. Три результата из «Нью-Йорк таймс», один из лондонской «Дейли мейл» и один из «Бостон глоуб».

Может, он и прав. Едва увидев имена и даты, Джош первым же делом подумал: некрологи. Некрологи и колонки объявлений – шпионская классика: оперативники после Второй мировой войны обычно использовали их для передачи сообщений по шпионским сетям на всей планете. Это старая школа, но, будь сообщение передано в 1947 году, метод был бы вполне приемлем. Если сие правда, этой террористической сети свыше шестидесяти пяти лет. Напрашивающиеся выводы Джош пока отодвинул на задний план.

Он посмотрел на зашифрованное сообщение, переданное ему Дэвидом:

Протокол Тоба существует.

$12+4+47 = 4/5$; Джонс

$22+7+47 = 3/8$; Андерсон

$4+10+47 = 5/4$; Эймс

И переключился на результаты поиска. Скорее всего, террористы используют одну газету – ту самую, которая доступна в городах по всему миру. И «Нью-Йорк таймс» – наиболее вероятный кандидат. Даже в 1947 году можно было подойти к газетному киоску в Париже, Лондоне, Шанхае, Барселоне или Бостоне и купить сегодняшний экземпляр «Нью-Йорк таймс» вместе с платными некрологами.

Если некрологи – зашифрованные сообщения, они должны быть как-то маркированы. Джош увидел это в ту же секунду – каждый из некрологов в «Таймс» включал слова «часы» и «башня». Он откинулся на спинку стула. Возможно ли, чтобы «Часовая башня» была настолько старой? ЦРУ официально основали лишь после принятия Закона о национальной безопасности 1947 года, хотя предшествовавшая ей организация – Управление стратегических служб – была создана во время Второй мировой войны, в июне 1942 года.

К чему террористам упоминать «Часовую башню»? Может, они сражались с ней уже тогда – в 1947 году, шестьдесят шесть лет назад?

Нужно сосредоточиться на некрологах. Должен же быть способ их расшифровать. Идеальная шифровальная система опирается на вариативный шифр: единого ключа, позволяющего расшифровать любое сообщение, просто нет. Каждое сообщение содержит собственный ключ – что-то простое.

Джош открыл первый некролог, датированный 12/4/1947:

Адам Джонс, часовщик-новатор, умер в возрасте 77 лет, работая над башенным шедевром

Адам Джонс, покинув Гибралтар, скончался. Работы этого мастера британцы считают выдающимися. Его нашли почившим в мастерской. Бренные останки будут преданы земле возле незабвенной усопшей жены. Выбор участка они осуществили вместе. Ждем желающих проститься. По поводу указаний пути обращайтесь письменно.

* * *

Сообщение где-то здесь. Каков же ключ? Открыв другие некрологи, Джош пробежал их взглядом в надежде наткнуться на какую-нибудь подсказку. В каждом некрологе указывалось местоположение, причем в самом начале текста. Он проверил несколько возможностей, переставил несколько слов, а потом сел и задумался. Некрологи написаны коряво, будто слова высосаны из пальца. Или втиснуты, словно автору *приходилось* использовать эти слова. Порядок, ин-

тервалы... И тут он увидел. Имена и были шифром – длина имен. Это вторая часть кода.

$$12+4+47 = 4/5; \text{ Джонс}$$

Некролог от 12/4/1947 посвящен Адаму Джонсу. 4/5. Имя состоит из четырех букв; фамилия – из пяти. Если взять четвертое слово некролога, а затем отсчитать пять слов, следующих за ним, и повторить процедуру, это даст предложение.

Джош изучил некролог заново:

Адам Джонс, часовщик-новатор, умер в возрасте 77 лет, работая над башенным шедевром

Адам Джонс, покинув *Гибралтар*, скончался. Работы этого мастера *британцы* считают выдающимися. Его *нашли* пожившим в мастерской. Бренные *останки* будут преданы земле *возле* незабвенной усопшей жены. Выбор *участка* они осуществили вместе. *Ждем* желающих проститься. По поводу *указаний* пути обращайтесь письменно.

Вкупе сообщение гласило:

Гибралтар, британцы нашли останки возле участка. Ждем указаний.

Джош несколько секунд созерцал сообщение, не видя, что из него следует. И не представляя, что оно означает. Проведя поиск в Интернете, нашел несколько результатов. Очевидно, британцы нашли останки в Гибралтаре в 1940-х, в природной морской пещере под названием «Пещера Горхе-

ма». Но кости принадлежали не человеку, а неандертальцу – и радикально изменили представления ученых о неандертальцах. Наши доисторические собратья на самом деле были отнюдь не просто архаичными пещерными жителями. Они строили жилища. И разводили огромное пламя в каменных очагах, готовили овощи, владели устной речью, создали пещерную живопись, погребали своих усопших с цветами и изготавливали совершенные каменные орудия и посуду. Кости в Гибралтаре также изменили представление о хронологии неандертальцев. До гибралтарской находки неандертальцев считали вымершими около сорока тысяч лет назад. Неандертальцы в Гибралтаре жили приблизительно двадцать три тысяч лет назад – куда позже, чем считалось ранее. Вероятно, это место стало последним оплотом неандертальцев.

Какое отношение может иметь древняя неандертальская цитадель к глобальной террористической атаке? Возможно, другие сообщения смогут пролить на это какой-то свет. Открыв второй некролог, Джош расшифровал и его.

Антарктика, субмарина не найдена, сообщите, санкционированы ли дальнейшие поиски.

Любопытно. Джош провел еще парочку поисков. 1947 год выдался для Антарктики хлопотливым. 12 декабря 1946 года ВМС США отправили в Антарктику огромную армаду, включавшую тринадцать кораблей с почти пятью тысячами человек на борту. Эта миссия под кодовым названием «Операция Хайджамп», то есть «высокий прыжок», основала ан-

тарктическую исследовательскую станцию «Литл-Америка IV». Ходили теории заговора и домыслы по поводу того, что США разыскивают в Антарктиде секретные нацистские базы и технологии. Означает ли сообщение, что они ничего не нашли?

Перевернув толстый глянцевый лист, Джош принялся изучать фотографию. В синем море плавал обломок льда, и в его центре изо льда торчала черная подводная лодка. Надпись на подлодке была чересчур мелкой, чтобы прочесть, но субмарина наверняка нацистская. Исходя из предполагаемых размеров подлодки, площадь айсберга составляет где-то десять квадратных миль. Достаточно крупный, чтобы происходить из Антарктики. Означает ли это, что подлодку недавно нашли? Не стало ли это открытие толчком, запустившим цепочку дальнейших событий?

Джош перешел к последнему сообщению в надежде, что оно послужит подсказкой. В расшифрованном виде оно гласило:

Розуэлл, метеозонд соответствует гибралтарской технологии, мы должны встретиться.

Все вместе три сообщения выглядели так:

Гибралтар, британцы нашли останки возле участка. Ждем указаний.

Антарктика, субмарина не найдена, сообщите, санкционированы ли дальнейшие поиски.

Розуэлл, метеозонд соответствует гибралтарской

технологии, мы должны встретиться.

Что это означает? Участок в Гибралтаре, субмарина в Антарктике, а уж последнее – что это за метеозонд в Розуэлле, соответствующий технологии из Гибралтара?

И более существенный вопрос: зачем? Зачем раскрывать эти сообщения шестидесятипятилетней давности? Какое отношение они имеют к тому, что происходит сейчас, – к сражению за «Часовую башню» и надвигающейся террористической атаке?

Джош принялся вышагивать из угла в угол, погрузившись в раздумья. *Будь я «кротом» в террористической организации, пытающимся позвать на помощь, – что бы я предпринял?* Пытающимся позвать на помощь... источник должен был оставить способ связаться с ним. Другой шифр? Нет, возможно, он демонстрировал метод – как с ним связаться. Некрологи. Но этот способ неэффективен, газетные некрологи появляются минимум через сутки, даже в онлайн-версиях. Онлайн. Каким же будет современный эквивалент? Где можно опубликовать некролог?

Джош прокрутил в голове несколько идей. С газетными некрологами просто – нужно просмотреть всего лишь пару-тройку страниц. Обработка всех этих материалов из прошлого отняла какое-то время, но зато у Джоша появилось одно ключевое преимущество: он знает, где искать. Это сообщение может быть в онлайн-версии где угодно. Должна иметься еще какая-то подсказка.

Что между этими тремя сообщениями общего? Местоположение. Чем они различаются? В Антарктиде нет людей, нет объявлений, нет... чего? В чем заключается отличие от Розуэлла и Гибралтара? В обоих есть газеты. Что можно сделать в одном месте и нельзя сделать в другом? Опубликовать что-либо... источник указывает ему на систему публикаций, столь же повсеместную сегодня, как была «Нью-Йорк таймс» в 1947 году.

Крейгслист⁴. Должно быть, он. Джош проверил. В Гибралтаре Крейгслиста нет, но зато есть доска объявлений для Розуэлла/Карлсбада, Нью-Мексико. Открыв его, Джош начал читать объявление за объявлением. Их обнаружили тысячи – в десятках категорий: продажа, жилье, общение по интересам, работа, резюме. И каждый день сотни новых постингов.

Как же тут найти сообщение источника – да и есть ли оно там вообще? Можно воспользоваться технологией веб-классификации, чтобы собрать контент сайта – сервер «Часовой башни» «проползет» по сайту, как пауки «Гугла» и «Бинга», которые индексируют веб-сайты, извлекая контент и подготавливая его для поисковых операций. Потом можно прогнать программу-дешифратор, чтобы посмотреть, не выдадут ли какие-нибудь постинги внятный результат. На это уй-

⁴ Крейгслист (www.craigslist.org) – букв. «список Крейга», сайт электронных объявлений, пользующийся популярностью на Западе. Для нашей страны есть доски объявлений в Москве и Санкт-Петербурге.

дет всего пара часов.

Но у него нет пары часов.

Для начала нужно выбрать место. Логичным выбором были бы некрологи, но в Крейгслисте их нет. Какая же категория к этому ближе всего? Может быть... объявления о знакомстве? Он пробежал взглядом заголовки:

строго платонические
женщины ищут женщин
женщины ищут мужчин
мужчины ищут женщин
мужчины ищут мужчин
разная романтика
случайные встречи
не могу забыть
рву и мечу

Где же начать? Не ищет ли он вчерашний снег? Терять время сейчас – непозволительная роскошь. Разве что еще пару минут, одну группку сообщений.

«Не могу забыть» – любопытная категория. Идея в том, что когда ты хочешь встретиться с человеком, которого не можешь найти, то помещаешь объявление здесь. Раздел популярен у парней, которые пока что не могут набраться духу, чтобы пригласить симпатичную официантку на свидание. Джош даже сам несколько раз там «постился». Если этот человек увидел сообщение и ответил, то все в ажуре, никакого насилия. Если же нет... значит, не суждено.

Открыв раздел, Джош пробежал взглядом несколько постингов.

<Тема> Зеленое платье на собрании волонтеров

Сообщение: Боже мой, ты была сногшибательна! Ты безупречна, и у меня совсем отнялся язык. Хотел бы с тобой поговорить. Чиркни мне по мылу.

<Тема> Отель «Хэмптон»

Сообщение: Мы вместе брали воду у прилавка и вместе сели в лифт. Я не знал, не хочешь ли ты встретиться, чтобы малость поупражняться вместе. Скажи, на каком этаже я сошел. Я видел твое обручальное кольцо. Можно все строить и деликатно.

Джош прочел еще несколько. Если сообщение следует методике, оно будет длинным – сообщение внутри сообщения, декодируемое по длине имени и фамилии, служащих ключом к шифру. Крейгслист анонимен. Имя должно быть адресом электронной почты.

На следующей странице первый же постинг гласил:

<Тема> Мы встретились в ресторане Башни Америк, где нас усадили за один столик, потому что мы попали в часы пик

Многообещающе... *Часы* и *Башня* в теме сообщения. Открыв постинг, Джош быстро прочел его. Явно длиннее остальных. Почтовый адрес andy@gmail.com. Джош быстро выписал из постинга каждое четвертое и каждое пятое сло-

во. Расшифрованный постинг сообщал:

Ситуация изменилась. «Часовая башня» падет. Отвечайте, если еще живы. Никому не верьте.

Джош оцепенел. *Отвечайте, если еще живы.* Надо ответить. Дэвид должен ответить.

Схватив спутниковый телефон, Джош набрал номер Дэвида, но тот был недоступен. Надо было позвонить ему раньше. Дело не в комнате и не в телефоне. Что могло...

И тут он увидел. Видеосигнал с камеры над внешней дверью. Присмотрелся. Огоньки на серверах горят непрерывно. Но так не бывает – они всегда помигивают, сигнализируя о доступе к жестким дискам, о передаче и приеме сетевыми картами пакетов данных. Это не видеосигнал, это статическая картинка – картинка, транслируемая тем, кто пытается вломиться в комнату.

Глава 21

Главный оперативный пункт
Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

В оперативном пункте царила суматоха. Специалисты-техники барабанили по клавишам, аналитики прочесывали частым гребнем входящие и исходящие донесения, а Винсент Тареа выхаживал взад-вперед, следя за экранами на стенах.

– Мы уверены, что Вэйл получает липовую обзорную карту?

– Да, сэр, – отозвался один из техников.

– Отдайте конспиративным квартирам приказ выдвигаться.

Тареа смотрел на экраны, показывающие, как в конспиративных квартирах бойцы направляются к дверям и распахивают их.

При звуке взрывов все головы в большом оперативном пункте повернулись к мониторам, теперь показывающим лишь рябющую белыми помехами черноту.

Один из техников застучал по клавиатуре.

– Переключаюсь на наружное видео. Сэр, у нас массивная детонация в...

– Знаю! Явочные квартиры, оставаться на местах! – заорал Тареа.

Из динамиков не донеслось ни звука. Обзорная карта совершенно почернела в тех местах, где были красные точки, разбросанные по конспиративным квартирам. Единственные оставшиеся точки обозначали эскорт Дэвида и небольшую группку оставшихся в штабе.

Техник развернулся на стуле.

– Он заминировал конспиративные квартиры.

– Спасибо, Капитан Очевидность, – Тареа потер переносицу. – Мы уже проникли в эту тихую комнату? Джоша нашли?

– Нет, как раз собираются приступить.

Покинув оперативный пункт, Тареа прошел в свой личный кабинет, снял трубку телефона и набрал номер своего коллеги в «Иммари Секьюрити».

– У нас проблема. Он убрал моих людей.

Минутку послушал.

– Нет, слушай, я их убедил, но он... а, неважно, все равно они покойники. И точка.

Снова пауза.

– Нет, ну, будь я на твоём месте, я бы уж постарался прикончить его с первого захода, сколько бы людей у тебя ни было. В поле его сдержать невероятно трудно.

Хотел было положить трубку, но в последний момент нетерпеливо понес к уху снова.

– Что? Нет, мы смотрим. Нам кажется, он здесь. Я тебе сообщу. Что? Хорошо, подъеду, но могу взять с собой только двоих, и мы будем держаться сзади – на случай, если запахнет керосином.

Глава 22

Мобильный оперативный центр «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Кейт вслед за военным забралась в большой черный фургон. Внутри он ни капельки не напоминал курьерский фургон, которым выглядел снаружи – отчасти раздевалка с оружием и снаряжением, которого она еще ни разу не видела, отчасти кабинет с дисплеями и компьютерами, а отчасти автобус с рядами комфортабельных кресел с обеих сторон.

В салоне были три больших экрана. Один показывал точки на карте – по-видимому, Джакарты. На втором – картинки видеокамер наблюдения спереди, сзади и с обеих сторон фургона. В верхней правой картинке – черный внедорожник, ведущий фургон по забитым улицам Джакарты. Последний экран был пуст, не считая единственного слова: «Соединение...»

– Я Дэвид Вэйл.

– Я хочу знать, куда вы меня везете, – требовательно заявила Кейт.

– На конспиративную квартиру. – Дэвид возился с каким-то планшетным компьютером. Похоже, тот был связан с одним из экранов на стене. Дэвид поглядел на него, словно ожидая появления чего-то. Не дождавшись, он нажал еще на

несколько кнопок.

– Значит, вы работаете на американское правительство? – поинтересовалась Кейт, пытаясь привлечь его внимание.

– Не совсем. – Он опустил взгляд, продолжая манипулировать планшетом.

– Но вы *хотя бы* американец?

– Типа того.

– Вы не могли бы сосредоточиться и поговорить со мной?

– Я пытаюсь связаться с коллегой. – Теперь на его лице появилась тревога. Он огляделся, словно в глубокой задумчивости.

– Проблемы?

– Ага. Возможно. – Он отложил планшет. – Мне надо задать вам кое-какие вопросы по поводу похищения детей.

– Вы разыскиваете этих детей?

– Мы все еще пытаемся разобраться в происходящем.

– Кто это «мы»?

– Вы все равно о таких не слыхали.

– Послушайте... – Кейт провела ладонью по волосам. – У меня выдался очень скверный день. На самом деле мне и дела нет, кто вы такие и откуда. Кто-то сегодня похитил двоих детей из моей клиники, и покуда никто не жаждет их отыскать. И вы в том числе.

– Я не говорил, что не помогу вам.

– Однако и не говорили, что поможете.

– Это правда, – согласился Дэвид, – но в данный момент

у меня собственных проблем выше крыши, причем крайне серьезных. Проблем, которые могут повлечь гибель множества невинных людей. Многие уже погибли, и я полагаю, ваши исследования как-то с этим связаны. Пока не знаю, как именно. Послушайте, если вы ответите мне на ряд вопросов, я обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы помочь вам.

– Ладно, это справедливо, – Кейт подалась в кресле вперед.

– Много ли вам известно об «Иммари Джакарта»?

– Да толком ничего. Они финансируют мои исследования. Мой приемный отец Мартин Грей – глава «Иммари Рисеч». Они осуществляют инвестиции в широкий ряд научных и технических исследований.

– Вы разрабатываете для них биологическое оружие?

Вопрос потряс Кейт, как пощечина.

– Что?! – отпрянула она. – Боже, нет! Вы с ума сошли?!

Я пытаюсь излечить аутизм.

– Почему же забрали двоих этих детей?

– Понятия не имею.

– Я вам не верю. Что в этих двоих такого особенного? В клинике свыше сотни детей. Занимайся похитители торговлей людьми, они захватили бы всех. Этих двоих они взяли не без причины. И ради этого пошли на большой риск, засветив себя. Так что спрашиваю еще раз: почему этих двоих?

Уставившись в пол, Кейт задумалась. И высказала первый же всплывший в голове вопрос:

– Моих детей захватила «Иммари Рисеч»?

Этот вопрос будто застал Дэвида врасплох.

– Э-э, нет, «Иммари Секьюрити». Это другое подразделение, но та же шайка негодяев.

– Не может быть!

– Смотрите сами.

Он вручил Кейт папку, и она принялась перелистывать спутниковые фотографии фургона возле клиники, двоих похитителей в черном, волокущих детей в фургон, и регистрационные данные фургона, выдающие его принадлежность «Иммари Интернейшнл», Гонконгское подразделение службы безопасности.

Кейт задумалась над предъявленными уликами. С какой стати «Иммари» забирать детей? Они могли просто попросить ее саму. Но ее беспокоило и кое-что еще.

– А почему вы подумали, что я разрабатываю биологическое оружие?

– Это единственное разумное объяснение, исходя из свидетельств.

– Каких свидетельств?

– Вам доводилось слышать о «Протоколе Тоба»?

– Нет.

Дэвид вручил ей другую папку.

– Это практически все, что у нас на него есть. Немного, но суть сводится к тому, что «Иммари Интернейшнл» разрабатывает план по радикальному сокращению народонаселения

земного шара.

Кейт прочитала папку.

– Как катастрофическое извержение Тоба.

– Что? Я не в курсе.

– Неудивительно. – Она закрыла папку. – Эта гипотеза не является общепринятой, но популярна в кругах биологов-эволюционистов.

– Популярная гипотеза чего?

– Большого Скачка Вперед. – Увидев замешательство Дэвида, Кейт продолжала, не дав ему раскрыть рта. – Большой Скачок Вперед – пожалуй, предмет самых жарких дискуссий в эволюционной генетике. На самом деле это загадка. Нам известно, что около пятидесяти-шестидесяти тысяч лет назад человеческий интеллект претерпел своего рода Большой Взрыв. Мы стали намного умнее, причем очень быстро. Мы только не знаем, как именно. Полагаем, что благодаря неким изменениям в связях мозга. Люди впервые начали пользоваться сложной речью, создавать произведения искусства, делать совершенные орудия, решать проблемы...

Уставившись в стену, Дэвид перерабатывал эту информацию.

– Я не вижу...

Кейт откинула волосы со лба.

– Ладно, давайте начну сначала. Человеческому роду около двухсот тысяч лет, но мы являемся так называемыми *поведенчески современными* людьми – очень-очень умным ви-

дом, захватившим всю планету всего около пятидесяти тысяч лет назад. А пятьдесят тысяч лет назад, как нам известно, было как минимум еще три других вида гоминидов: неандертальцы, *Homo Floresiensis*...

– Хомо флор...

– Они не слишком известны. Мы обнаружили их только недавно. Они были мельче, вроде хоббитов. Так что для простоты будем звать их хоббитами. Итак, пятьдесят тысяч лет назад были мы, неандертальцы, хоббиты и денисовцы⁵. На самом деле, вероятно, существовала еще пара видов гоминидов, но суть тут в том, что в общей сложности имелось пять или шесть подвидов людей. А затем наша ветвь дерева человечества разрастается, а остальные виды вымирают. На протяжении пятидесяти тысяч лет мы от нескольких тысяч размножаемся до семи миллиардов человек, а остальные человеческие подвиды вымирают. Мы завоевываем планету, а они умирают в пещерах. Это величайшая загадка всех времен, и ученые бьются над ней испокон веков. И религия тоже. В основе лежит вопрос о том, как мы выжили. Что дало нам такое грандиозное эволюционное преимущество? Мы называем эту трансформацию Большим Скачком Вперед, а гипотеза катастрофического извержения Тоба предлагает объяснение, как мог произойти этот грандиозный ска-

⁵ Денисовский человек – предположительно вид (или подвид) вымерших людей, известный по фрагментарному материалу, обнаруженному в Денисовой пещере на Алтае.

чок; как мы стали такими умными, в то время как наши собратья, прочие гоминиды – неандертальцы, хоббиты и так далее – остались поголовно пещерными людьми. Около семидесяти тысяч лет назад, утверждает гипотеза, произошло извержение супервулкана Тоба, находящегося здесь, в Индонезии. Пепел извержения застлал солнце над большей частью Земли, вызвав наступление вулканической зимы, продлившейся много лет. Это стремительное изменение климата разительно сократило численность человеческой популяции – возможно, тысяч до десяти, а то и меньше.

– Погодите, все человечество сократилось до десяти тысяч человек?

– Так мы полагаем. Ну, эти оценки на точность не претендуют, но нам известно, что популяция чудовищно сократилась, причем у нашего подвида особенно. Мы полагаем, что неандертальцев и некоторых других гоминидов, живших в то время, это могло затронуть в меньшей степени. Хоббиты находились по ветру от Тобы, а неандертальцы были сосредоточены в Европе. Всю тяжесть последствий извержения Тобы приняли на себя Африка, Ближний Восток и Южная Азия, а как раз там-то мы и были сосредоточены в то время. Кроме того, неандертальцы были сильнее нас, и мозг у них был крупнее; это могло обеспечить им дополнительные преимущества в борьбе за выживание, но с этим мы пока до конца не разобрались. Нам известно, что по человечеству супервулкан Тоба ударил очень сильно. Мы были на грани вымирания.

ния. Это вызвало то, что популяционные генетики называют «эффектом бутылочного горлышка». Некоторые исследователи полагают, что бутылочное горлышко заставило небольшую группу людей эволюционировать, выживая благодаря мутациям. Эти мутации могли привести к взрывному развитию интеллекта. Существуют генетические свидетельства этого. Нам известно, что каждое человеческое существо на планете является прямым потомком одного человека, жившего в Африке около шестидесяти тысяч лет назад, – индивидуума, которого мы, генетики, называем Y-хромосомным Адамом. Фактически все за пределами Африки – потомки небольшой группы людей, быть может, из каких-то ста человек, покинувшей Африку около пятидесяти тысяч лет назад. По сути, все мы члены маленького племени, вышедшего из Африки после Тобы и распространившегося по планете. Это племя было существенно разумнее любых других гоминидов в истории. Это то, *что* произошло, но мы не знаем, *как* это произошло. Правда в том, что фактически мы даже не знаем, как наш подвид пережил Тобу и как он стал настолько разумнее остальных человеческих подвидов, живших в то же время. Должно быть, дело в каком-то изменении связей в мозге, но никто не знает, как этот Большой Скачок Вперед произошел. Возможно, спонтанная мутация из-за изменений в диете. А может, это произошло постепенно. Гипотеза катастрофического извержения Тобы и последующего популяционного бутылочного горлышка – только одна из возможностей,

но число ее приверженцев растет.

Дэвид смотрел в пол, словно раздумывая об этом.

– Я удивлена, что это не всплыло в вашем расследовании. – Не услышав ответа, Кейт добавила: – Вот... как *по-вашему*, что стоит за «Тобой»? В смысле, я могу заблуждаться...

– Нет, вы правы. Я это знаю. Но это лишь ссылка на воздействие катастрофического извержения Тобы в прошлом, на то, как оно изменило человечество. Такова их цель – создать очередное популяционное бутылочное горлышко, спровоцировав Второй Большой Скачок Вперед. Они хотят вызвать следующий этап человеческой эволюции. Это объясняет мне, зачем; прежде мы этого не знали. Мы думали, «Тоба» – упоминание о месте, где операция начнется. Юго-Восточная Азия, особенно Индонезия, вполне подходящее место. Это одна из причин, по которой я развернул деятельность в Джакарте, в шестидесяти милях от горы Тоба.

– Верно. Что ж, история порой приходит на выручку. Как и книги. Может, ничуть не меньше, чем оружие.

– Для протокола: я много читаю. Я люблю историю. Но вы говорите о событиях, разыгравшихся около семидесяти тысяч лет назад. Это не история, это доисторическое прошлое. Кроме того, без оружия тоже никак; мир не столь цивилизован, как выглядит.

Вскинув руки, Кейт устроилась в кресле поудобнее.

– Эй, я просто хочу помочь! Кстати, о помощи. Вы сказа-

ли, что поможете мне найти этих детей.

– А вы сказали, что ответите на мои вопросы.

– Я и ответила.

– Не ответили. Вам известно, почему забрали двоих этих детей, или вы хотя бы догадываетесь. Так скажите.

Кейт на минутку задумалась. Можно ли ему доверять?

– Мне нужны какие-то гарантии. – Подождала, но собеседник пристально уставился на другой экран, сплошь покрытый точками. – Эй, вы меня слушаете? – Теперь он начал встревожено озираться. – Что стряслось?

– Точки не движутся.

– А должны?

– Ага. Мы определенно движемся, – он указал на ремни безопасности. – Пристегнитесь.

То, как Дэвид это произнес, напугало Кейт. Он напомнил ей отца, только что осознавшего, что его ребенок в опасности. Он сосредоточился до предела. Даже не мигая, он перешел к стремительным действиям, крепя все незафиксированные предметы в фургоне и схватив рацию.

– Мобильный-один, здесь командир «Часовой башни». Меняйте курс, новый пункт назначения штаб «Часовой башни», как поняли?

– Вас понял, командир «Часовой башни», Мобильный-один, меняю курс.

Кейт почувствовала, как фургон поворачивает.

Мужчина опустил рацию.

Вспышку Кейт заметила на экране за секунду до того, как услышала – и ощутила – грохот.

На экране большой внедорожник перед ними взорвался, взмыл с земли и рухнул грудой пылающего металла.

Послышались автоматные очереди, и фургон вильнул с дороги, словно за рулем никого не было.

Вторая ракета врезалась в дорогу рядом с фургоном, пролетев на волосок от него. Ударная волна едва не опрокинула машину и словно совершенно высосала из него воздух. Уши заложило. Ремень безопасности болезненно врезался в живот. Происходящее напоминало сенсорную депривацию. Все вокруг словно замедлилось. Кейт ощутила, как фургон снова упал на землю, подпрыгнув на амортизаторах.

Чувствуя звон в ушах, она огляделась. Военный недвижно распростерся на полу фургона.

Глава 23

Комната сверхсекретной связи
Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Джошу надо было подумать. Тот, кто подменил прямую трансляцию от дверей тихой комнаты, несомненно, сейчас снаружи и пытается войти. Стеклянная комната в исполинском бетонном саркофаге теперь показалась ужасно хрупкой, вися там будто в ожидании удара, чтобы расколоться, как стеклянная пиньята. А он – трофеей внутри ее.

Что там на двери? Оранжевая точка? Подойдя к стене стеклянной комнаты, Джош пригляделся попристальнее. Действительно, крохотная точка, становящаяся ярче, как нагревательный элемент. От этого металл словно размягчался... да, становился жидким и стекал по двери. И в этот миг из верхнего правого угла двери брызнули искры. Веер искр пополз вниз, оставляя за собой узкую темную борозду.

Они собираются войти – с помощью газового резака. Ну конечно! Попытка вышибить дверь с помощью взрывчатых веществ погубит серверную. Это еще одна мера безопасности, призванная дать находящемуся внутри побольше времени.

Джош бросился обратно к столу. Что сделать сперва? Ис-

точник, сообщение на Крейгслисте. Надо ответить. Его электронный адрес andy@gmail.com – явная липа: этот адрес был доступен в течение целых двух секунд после запуска Gmail. Источник знал, что Джошу это будет понятно, знал, что он сразу же увидит его в истинном свете: это лишь очередное имя нужной длины, чтобы расшифровать сообщение с помощью кода. Код... придется сфабриковать сообщение и имя, задающее код.

Он оглянулся. Газовый резак прошел уже полпути вниз по правой стороне двери. Искры сыпались на пол, как бикфордов шнур, подбирающийся к запалу бомбы.

На фиг, на это нет времени. Щелкнув по кнопке постинга, он написал сообщение:

<Тема> Человеку из Башни Америк

Сообщение: Мне бы хотелось встретиться, но нет времени. Боюсь, я опять в цейтноте. Мой друг переслал мне ваши сообщения. Я по-прежнему не понимаю. Извините за такую прямолинейность. У меня и вправду нет времени играть в игры с перепутанными сообщениями. Не могу дозвониться до своего друга, но, может быть, вы сможете связаться с ним в этой доске. Пожалуйста, ответьте любыми сведениями, которые могут ему помочь. Спасибо и удачи.

Джош нажал «Отправить». Почему невозможно связаться с Дэвидом? Интернет-доступ еще есть. Должно быть, это совершенно отдельное подключение, о котором оператив-

никам «Часовой башни» неизвестно. Вполне логичная мера для секретных телефонных звонков и видеоконференций. С камерой над дверью все просто: ее шнур могли перерезать, подключив к другому источнику видеосигнала или просто поставив перед камерой фотографию зала и позволив ей работать дальше.

Уголкем глаза Джош заметил, как дисплей с красными точками стремительно меняется: точки в конспиративных квартирах начали собираться перед дверями. Переходят к действиям.

А затем исчезли. Погибли.

Взгляд Джоша вернулся к двери. Резак набирал скорость. Джош освежил страницу Крейгслиста в надежде, что контакт откликнется.

Глава 24

Мобильный оперативный центр «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Открыв глаза, Дэвид увидел, что женщина – доктор Уорнер – склонилась над ним.

– Вы ранены? – спросила она.

Отстранив ее, он поднялся на ноги. Мониторы показывали сцену снаружи: внедорожник с тремя его полевыми сотрудниками был раскидан обугленными, искореженными обломками по опустевшей улице. Двоих сидевших в кабине фургона он не видел. Должно быть, второй взрыв их достал. Или снайпер.

Дэвид тряхнул головой, чтобы прояснить сознание, а затем заковылял к оружейным шкафчикам. Извлек две дымовые шашки, выдернул из обеих чеки и подошел к двустворчатым дверцам в задней части фургона. Медленно приоткрыл одну из них, затем быстро бросил одну шашку, а вторую катнул подальше. Услышал негромкое шипение дыма, вырывающегося из цилиндрических банок, заскакавших по мостовой. Пока он осторожно прикрывал дверь, в салон пробился язычок серо-белого дыма.

Открывая дверь, он ожидал минимум одного выстрела наугад, но его не последовало. Должно быть, девушка нужна

им живой.

Вернувшись к оружейному шкафчику, Дэвид принялся вооружаться. Повесил на плечо автомат и рассовал по карманам брюк магазины и пистолет. Надел черную каску и снова застегнул бронежилет.

– Эй, что вы делаете? Что происходит?

– Оставайтесь здесь и держите двери закрытыми. Я вернусь, когда будет безопасно, – бросил Дэвид, направляясь к двери.

– Что?! Вы собираетесь выйти?!

– Да...

– Вы с ума сошли?!

– Послушайте, здесь мы как мишени в тире; когда они до нас доберутся – лишь вопрос времени. Мне надо дать бой на открытой местности, найти укрытие и отыскать способ выбраться. Я вернусь.

– Ну... ну... а... Можно и мне пистолет, или как?

Дэвид обернулся к Кейт. Явно напугана, но надо воздать ей должное – она не из робкого десятка.

– Нет, вам пистолет нельзя.

– Почему?

– Потому что вы единственная, кого вы можете ранить. А теперь закройте за мной дверь.

Он опустил очки с каски, защищая глаза; слитным, плавным движением распахнул дверь и выпрыгнул в тучу дыма.

Три секунды спринта, и пули градом посыпались на него.

Грохот винтовок и автоматов открыл ему все, что требовалась знать: снайперы засели на крышах зданий слева.

Дэвид метнулся через улицу в переулок, нацелил автомат на крышу и открыл огонь. Попал по ближайшему снайперу, увидел, как тот свалился, и дал две короткие очереди по двоим оставшимся. Оба скрылись за кирпичной надстройкой на крыше старого здания.

Пуля свистнула у самой головы. Другая впиалась в цементную штукатурку здания, осыпав его каску и бронежилет осколками кирпича и цемента. Дэвид развернулся на звук: четверо пешеходов бегут к нему. «Иммари Секьюрити». Не его подчиненные.

Дал по ним три короткие очереди. Они рассыпались, двое упали.

Едва отпустив спусковой крючок, Дэвид услышал характерный свист рассекаемого воздуха. Рыбкой нырнул на другую сторону переулочка, и реактивная граната разорвалась в десяти футах от места, где он находился секунду назад.

Надо было сперва убить снайперов. Или хотя бы покинуть их сектор обстрела.

Вокруг посыпались обломки. В воздухе за клубился дым.

Дэвид с мучительным усилием втянул воздух в легкие.

На улице воцарилась тишина. Он перекатился.

Послышались приближающиеся шаги.

Подскочив на ноги, Дэвид бросился в переулок, отшвырнув автомат. Надо занять позицию, пригодную для обороны.

Пули зарикошетили от стен переулка, и он, на ходу обернувшись, выхватил пистолет и сделал пару выстрелов, вынудив двоих преследователей прервать погоню и укрыться в дверных проемах переулка.

Впереди переулок выходил на старую пыльную улочку, тянущуюся вдоль одной из тридцати семи рек Джакарты. Возле реки раскинулся рынок с прилавками, пирамидами глиняной посуды и всякого рода торговцами. Все они разбежались, вопя, указывая пальцами, торопливо сгребая дневную выручку и спеша убраться подальше от перестрелки.

Едва Дэвид выскочил из переулка, как снова оказался в гуще стрельбы. Одна пуля ударила его прямо в центр груди, яростно швырнув на землю и выбив весь воздух из легких.

У его головы в землю впивались все новые автоматные очереди; преследователи из переулка стремительно настигали.

Он откатился к стене переулка, прочь от выстрелов, изо всех сил цедя воздух.

Это ловушка: люди из переулка загоняют его в угол.

Дэвид вытащил две гранаты. Выдернул чеки, выждал секунду и швырнул одну назад в переулок, а вторую за угол, в сторону засады.

И очертя голову рванул к реке, на бегу стреляя по засаде.

Сзади донесся приглушенный грохот взрыва в переулке, а сразу за ним – более громкий разрыв в засаде.

Уже у самого берега реки Дэвида настиг еще один взрыв –

куда ближе, в каких-то футах восьми позади. Ударная волна сшибла его с ног, швырнув прямо в реку.

* * *

Запертая в бронированном фургоне Кейт снова села. Потом встала. Снаружи разыгрывалась прямо Третья мировая война: взрывы, автоматные очереди, барабаниющие по стенкам фургона осколки...

Она подошла к шкафчику с оружием и бронежилетами. Снова стрельба. Может, стоит надеть какую-нибудь защиту? Кейт взяла один из черных костюмов. Тот оказался тяжелым, куда тяжелей, чем она думала. Оглядела свои помятые, несвежие вещи, в которых спала в кабинете. Что за чудовищный день!

Послышался стук в дверь, а затем:

– Доктор Уорнер?

Кейт выронила бронежилет.

Это не *его* голос, не голос человека, вытащившего ее из полиции. Это не Дэвид.

Ей нужен пистолет!

– Доктор Уорнер, мы входим.

Дверь открылась.

Трое в черных бронежилетах, как люди, захватившие детей, направились к ней.

– Мы рады, что вы целы, доктор Уорнер. Мы прибыли спа-

сти вас.

– Кто вы такие? Где он, мужчина, который был здесь? – Она попятилась на шаг.

Стрельба снова стихла. Затем гроыхнули два – нет, три взрыва вдали.

Пришельцы медленно приближались. Кейт попятилась еще на шаг. Она могла бы взять пистолет. Сможет ли она из него стрелять?

– Все в порядке, доктор Уорнер. Просто выходите оттуда. Мы отвезем вас к Мартину. Это он нас послал.

– Что?! Я хочу с ним поговорить. Я никуда не пойду, пока не поговорю с ним.

– Хорошо, это...

– Нет, я хочу, чтобы вы сейчас же отсюда убрались, – заявила Кейт.

Протиснувшись мимо двоих других, задний попутно бросил:

– Говорил же я тебе, Ларс, с тебя пятьдесят баксов.

Кейт узнала это голос – грубый, скрипучий голос человека, похитившего ее детей. Это он. Кейт оцепенела от накатившего страха.

Подобравшись к ней, негодяй бесцеремонно сграбастал Кейт за руку и развернул вокруг оси, другой рукой обхватив за талию. Сцапал вторую ее руку и, удерживая оба ее запястья вместе одной лапицей, окольцевал их кабельной стяжкой.

Кейт попыталась вырваться, но тонкий пластик впился в кожу, послав по рукам укол пронизывающей боли.

Дернув ее назад за длинные белокурые волосы, головорез натянул Кейт на голову черный мешок, погрузив ее в непроглядную темень.

Глава 25

Комната сверхсекретной связи
Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Джош увидел, как красные точки с экрана будто ветром сдуло. Это люди на конспиративных квартирах; подошли к дверям, а затем исчезли – погибли. Пару минут спустя он увидел, как кортеж Дэвида остановили на улице, а затем их тоже не стало, за исключением шефа. Увидел, как точка Дэвида быстро перемещается. Последний спринт.

А потом и она погасла.

Тяжело вздохнув, Джош без сил опустился на стул. Усталость сквозь стеклянные стены на наружную дверь. Факел резака уже двинулся вверх по другому краю двери, напоминающая зеркальную букву J. Скоро она превратится в полноценную U, а там и в O, а затем они ворвутся, и его час пробьет. Осталось две, от силы три минуты.

Письмо! Повернувшись, он принялся рыться в груде папок и нашел его – письмо Дэвида с грифом «Вскрыть в случае моей смерти». Пару часов назад Джош думал, что необходимость вскрыть его никогда не придет. Как же много иллюзий развеяно сегодня: что «Часовая башня» не может быть скомпрометирована, что она не может пасть, что Дэви-

да невозможно убить, что хорошие парни всегда побеждают...

Он вспорол конверт.

Дорогой Джош!

Не огорчайся. Мы были далеко позади с самого начала. Мне остается лишь предположить, что Джакартское отделение пало или вот-вот падет.

Помни нашу цель: мы должны предотвратить осуществление планов «Иммари». Перешили все, что выяснил, директору «Часовой башни». Его зовут Говард Киган. Ему ты можешь доверять.

На сервере ClockServer1 есть программа ClockConnect.exe. Она открывает частный канал Централы, куда ты можешь загрузить данные без риска.

И последнее. За годы я подкопил немного денег, главным образом изъятых у негодяев, которых мы вывели из игры. На ClockServer1 есть еще одна программа – distribute.bat. Она распределит деньги по моим счетам.

Надеюсь, до этой комнаты не добрались и ты читаешь это письмо в безопасном месте.

Служить с тобой было честью для меня.

Дэвид

Джош опустил письмо.

Принялся лихорадочно стучать по клавишам – сперва выгружая свои данные в Централь «Часовой башни», потом выполняя банковские транзакции. «Немного денег» ока-

залось сильным преуменьшением. У Джоша на глазах прошли пять транзакций, по пять миллионов долларов каждая – сначала Красному Кресту, затем ЮНИСЕФ и, наконец, трем другим организациям, осуществляющим помощь при массовых бедствиях. Это было логично. Но последняя была лишена всякого смысла. Депозит в пять миллионов долларов на банковский счет в «Джей-Пи Морган» в Америке – нью-йоркское отделение. Скопировав имена держателей счета, Джош провел поиск. Мужчина шестидесяти двух лет и его пятидесятидевятiletняя жена. Родители Дэвида? О них нашлась заметка в новостях лонг-айлендской газеты. Эта супружеская пара лишилась в результате терактов 11 сентября единственной дочери. Во время теракта та была инвестиционным аналитиком в «Кантор Фицджеральд»⁶, только-только закончив Йель, и была обручена с Эндрю Ридом, аспирантом Колумбийского университета.

И тут Джош услышал... вернее, перестал слышать. Горелка погасла. Круг завершен, и скоро начнут вышибать дверь, как только металл чуточку остынет.

Собрав бумаги в охапку, он подбежал к корзинке и поджег их. Затем бросился к столу и запустил программу, стирающую память компьютера. На это уйдет больше пяти минут. Может, они не успеют ее обнаружить. А может, он сумеет выиграть немного времени... Джош поглядел на ящичек с пистолетом.

⁶ Инвестиционный банк, размещавшийся в башнях-близнецах.

Что-то еще на экране с обзорной картой. Джошу показалось, что там мелькнула вспышка, красная точка. Но теперь исчезла. Он посмотрел снова.

Вздрогнув от раздавшегося ритмичного грохота в дверь, Джош едва не свалился со стула. Нападающие били в дверь, как в боевой барабан, в усилиях стронуть толстый металл с места. Стук пульсировал в унисон с сердцем Джоша, отчаянно заколотившимся в груди.

Экран компьютера отображал ход процесса стирания: завершено двенадцать процентов.

Загоревшись снова, на сей раз точка не погасла: Д. Вэйл. Она медленно дрейфовала по реке. Жизненные показатели слабые, но он жив. В его бронежилет встроены датчики; должно быть, они повреждены.

Надо передать Дэвиду, что удалось выяснить, и способ связи с источником. Какие есть варианты? При нормальных обстоятельствах Джош устроил бы онлайн-закладку на публичном веб-сайте, где они обмениваются зашифрованными сообщениями. Как правило, «Часовая башня» пользуется аукционами «И-бэй», внедряя зашифрованные сообщения или файлы, которые алгоритм «Часовой башни» может декодировать, в фотографии выставленных на продажу продуктов. Невооруженному глазу снимок представляется совершенно нормальным, но мизерные изменения, внесенные в пиксели, образуют сложный файл, который «Часовая башня» способна прочесть.

Но они с Дэвидом никакой системы не выработали. Позвонить невозможно. Электронное письмо равнозначно смертному приговору: «Часовая башня» будет мониторить любые электронные адреса, и когда Дэвид его откроет, «Башня» отследит IP компьютера, которым он воспользовался. IP даст им физический адрес или хотя бы примерное местонахождение. Сигналы камер внешнего наблюдения довершат остальное, и его схватят через считанные минуты. IP...

У Джоша возникла идея. Вот только сработает ли?

Стирание... 37 % завершено

Надо торопиться, пока компьютер не прекратил функционировать.

Джош открыл VPN-соединение⁷ с частным сервером, которым пользовался главным образом как пересылочным пунктом и временным хранилищем для онлайн-операций, трансформируя и перебрасывая зашифрованные рапорты туда-сюда по Интернету, прежде чем доставить их в Централь. Это лишь дополнительная мера безопасности, гарантирующая, что выгрузки Джакартского отделения в Централь не будут перехвачены. Он нигде не засвечен, никто о нем не знает. Да притом на нем несколько протоколов безопасности, написанных самим Джошем. Идеальное место.

Но у сервера нет веб-адреса – адрес ему и не нужен, – только IP: 50.31.14.76. Веб-адреса наподобие

⁷ VPN (Virtual Private Network) – виртуальная частная сеть.

www.google.com или www.apple.com на самом деле переводятся в IP. Когда вводишь в окне браузера адрес, группа серверов под названием «Серверы доменных имен» (DNS) подбирают к этому адресу IP из своей базы данных и отправляют тебя туда, куда требовалось. Если же в адресной строке браузера напечатать просто IP, то попадешь на самом деле в точности туда же, но без маршрутизации: 74.125.139.100 открывает Google.com, 17.149.160.49 открывает Apple.com, и так далее.

Джош закончил выгружать данные на сервер. Компьютер работал уже явно медленнее, выскочило несколько сообщений об ошибках.

Стирание... 48 % завершено

Грохот в дверь смолк, и в ход снова пошел резак. В центре двери образовался округлый пузырь напряженного металла.

Надо отправить Дэвиду IP. Ни звонить, ни посылать его текстовым сообщением нельзя. «Часовая башня» будет отслеживать все источники и всех оперативных сотрудников резидентуры, и потом, все равно неизвестно, куда Дэвида занесет. Нужно такое место, куда Дэвид заглянет непременно. Нужен способ заслать цифры IP-адреса. Что-то такое, о чем знал только Джош...

Банковский счет Дэвида! Это может сработать.

У Джоша тоже имелся личный банковский счет – как, наверное, и у всякого, занимающегося подобной деятельностью.

Стон изгибающегося металла наполнил бетонный бункер, будто смертный вопль кита. Вот-вот ворвутся.

Открыв браузер, Джош вошел в свой банковский счет. Быстро ввел код банка и номер счета Дэвида. А затем сделал ряд денежных переводов:

11.09

50.00

31.00

14.00

76.00

11.09

На межбанковский перевод уйдут сутки, но даже после этого Дэвид узнает о переводах, лишь проверив счет. Поймет ли он, что это IP-адрес? Оперативные сотрудники по части техники не очень подкованны. Это выстрел наудачу.

Дверь рухнула, и в отверстие хлынули солдаты в полной боевой экипировке.

Стирание... 65 % завершено

Недостаточно. Что-нибудь да найдут.

Ящичек, капсула. От трех до четырех секунд. Времени мало.

Джош бросился к ящичку на столе, нечаянно сшиб его. Ящичек грохнулся на стеклянный пол, Джош метнулся следом. Сунул трясущуюся руку внутрь, схватил пистолет. Как там? Затвор, стреляй, нажми сюда? Боже! Они у порога стеклянной комнаты. Трое.

Он поднял пистолет. Рука дрожала. Поддержал ее другой и нажал на спусковой крючок. Пуля прошила компьютер. Надо попасть в жесткий диск. Выстрелил снова. Грохот в тесной комнатухе просто оглушительный.

А потом звук окружил его со всех сторон. Стекло было повсюду – крохотные осколки. Джоша отбросило к стеклянной стене. Стекла падали со всех сторон – вокруг него, на него, впиваясь в него. Опустив взгляд, Джош увидел в своей груди дыры от пуль. Почувствовал, как кровь изо рта течет по подбородку на грудь, соединяясь с расплзающимся там алым пятном. Повернув голову, он увидел, как последние огоньки компьютера погасли.

Глава 26

Река Песанггаган
Джакарта, Индонезия

Рыбаки на лодке гребли вниз по реке, направляясь к Яванскому морю. Последние несколько дней улов был на славу, и они прихватили еще сетей – правду говоря, все, какие есть. Лодка осела под их тяжестью куда глубже, чем обычно. Если все пойдет хорошо, они вернутся на закате, волоча за лодкой сети, полные рыбы, которой хватит не только их небольшой семье, но и для продажи на рынке.

Посмотрев на сына Эко, гребущего на носу лодки, Харто ощутил прилив гордости. Скоро Харто можно будет уйти от дела, а рыбу будет ловить Эко. А потом, со временем, Эко возьмет с собой сына, точно так же, как в свое время отец учил рыбной ловле Харто.

Он надеялся, что будет так. В последнее время Харто начал тревожиться, что может сложиться и по-иному. Каждый год все больше лодок – и все меньше рыбы. С каждым днем они рыбачат дольше, а сети все равно приносят меньше. Харто выбросил эту мысль из головы. Хорошая удача приходит и уходит, точь-в-точь как море, уж так ведется на свете. *Него же мне тревожиться о том, что мне неподвластно.*

Сын перестал грести. Лодку начало разворачивать.

– Эко, – прикрикнул на него Харто, – если грести неодинаково, лодка будет поворачиваться. Будь повнимательнее!

– Там что-то в воде, отец.

Харто поглядел. И правда... что-то черное плавает. Человек.

– Гроби быстрее, Эко!

Подогнав лодку к нему, Харто наклонился, схватил человека и попытался втащить в узкую лодку, нагруженную сетями. Уж больно тяжел. На нем какие-то доспехи... Но плавающие. Какой-то специальный материал. Харто перевернул человека. Шлем и очки – они закрыли ему нос и не дали захлебнуться.

– Это водолаз, отец?

– Нет, он... полицейский, по-моему. – Харто снова попытался втащить человека в лодку, но едва не опрокинул ее. – Ну-ка, Эко, помоги мне!

Вместе отец и сын втащили мокрого до нитки человека в лодку, но едва тот оказался внутри, как в лодку начала набираться вода.

– Мы тонем, отец! – тревожно поглядел Эко.

Вода хлынула в лодку через борт. Что же выкинуть? Человека? Река течет в море; там он погибнет вернее верного. Так они его далеко не увезут. Вода набирается все быстрее.

Харто окинул взглядом сети – единственный другой груз в лодке. Но это наследство Эко – единственное достояние его семьи, единственное средство их выживания, доставляющее

пропитание им на стол.

– Выбрасывай сети, Эко!

Подросток повиновался приказу отца без вопросов, швыряя сети за борт одну за другой, скармливая свою отчину неспешному течению реки.

Когда изрядной части сетей не стало, вода перестала врываться в лодку, и Харто без сил опустился вниз, уставившись на чужака невидящим взглядом.

– В чем дело, отец?

Не услышав от отца в ответ ни слова, Эко подобрался поближе к нему и к спасенному.

– Он что, помер? Оте...

– Надо отвезти его домой. Помоги мне грести, сынок. Наверное, он попал в беду.

Повернув лодку, они принялись грести вверх по реке, против течения, к жене и дочери Харто; те готовятся чистить и закладывать на хранение рыбу, которую они привезут. Сегодня рыбы не будет.

Глава 27

Ассошиэйтед пресс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.